

Н. А. ПОЛЕВОЙ

*Избранная
историческая проза*

ПОВЕСТЬ О СИМЕОНЕ СУЗДАЛЬСКОМ КНЯЗЕ

Благочестивые жители Нижнего Новгорода шли к вечерне в соборный Архангельский храм. Сквозь окна храма мелькали тусклые огни восковых свеч, зажженных перед образами. Церковь была полна народа; на крыльце и в ограде церкви толпился народ, но многие бежали еще опрометью ко храму, и все, казалось, чего-то ждали. Нетерпеливое внимание заметно было в толпе. Подле затворенных лавок на площади собрались нижегородские купцы. Сложив руки и устремив любопытные взоры на княжеский дворец, они говорили между собою. Вокруг дворца в тесноте негде было яблоку упасть. Богато убранные кони под бархатными попонами, подведенные к крыльцу, видны были с площади сквозь тесовые растворенные ворота.

За толпою купцов, у навеса лавок сидел на складном стуле седой старик, угрюмо опершись на палку. Руки его, сложенные на верхушке палки, обделанной в виде костыля, закрыты были длинною бородою его. Красный кушак по синему кафтану показывал достаток его. Он смотрел то на дворец, то на народ, покачивал головою, поднимал ее и опять опускал на руки. Другой старик, сухой и тщедушный, отличавшийся от всех одеждою, подошел к уединенному зрителю, низко поклонился ему и сказал громко:

"Бог на помощь!"

— Будь здоров, гость московский! — отвечал нижегородец, — по добру ли по здорову?

"Слава те, Господи! Вот получил из Москвы грамотки. Жена, дети здоровы, и товар доплелся до Москвы..."

Слова из Москвы, казалось, оживили старика. Подвинув свою шапку на затылок, он обратил любопытный взор на москвича и невольно повторил слова его:

— Из Москвы?

"Да, но вот что ты будешь делать: невзгода Москве нашей, да и только — опять была немилость Божья, пожарный случай..."

— Что? Опять?

"Да, почитай, весь посад выгорел, а пожар начался с дома окаянного Аврама Армянина..."

— Хм! Часто горит у вас на Москве!

"Да Москва-то не сгорает! — отвечал москвич, коварно улыбаясь, — а вот у вас, в Нижнем, так раз выгорело, да зато ловко..."

— Его воля! — вздыхая отвечал старик и обратил взоры к небу. Заходящее солнце блеснуло ему в глаза, и он, зажмурясь, опустил голову к земле. — Да попущением Божиим о Петровках уже пятнадцатый год минет, как Нижний Новгород впадал в руки басурманские, а следы все еще не заглажены. Нижегородцы прображничали тогда наш городок благословенный, и справедливо повелась в народе пословица: "За Пьяною люди пьяны!"

"Москва не вашему городу чета, да и тут после вражьего меча десятый год проходит, а трава растет там, где прежде высились терема и хоромы. Сколько одной Божьей благодати сгорело и осталось в запустении!"

— Друг ты мой! не говорит ли нам Святое Писание, как тяжек меч вражий? Когда царю Давиду предложили глад, смерть и нашествие неприятельское, он молил Бога выбрать легчайшее, и Бог не врага, а смерть послал на Израиля. Тяжка смерть, но тяжеле воин вражеский, гибель живая, — не уснет, аще зла не сотворит!

"Но ведь на нашу Москву и враг-то какой нападал! Долго стоять земле русской, а не видать такого злодея, каков Тохтамыш окаянный! Ни в устах милости, ни в сердце жалости. Огнем палит, чего не возьмет, и ни храма Божия, ни княжеского чертога не остается за его следом — идет и метет!"

— Все равно, что силен, что бессилен, только умел бы железную баню вытопить да булатом выпарить, а уж татары, злой, ненавистный род, таковы, что, кажется, и во сне-то они мыслят о вреде христианам. Бывал ли ты сам в руках татарских и видал ли ты басурманскую, проклятую гадину в их житье-бытье?

"Оборони меня, Господи! Нет! до сих пор Господь миловал!"

— Истома Захаров любит_только издалека греть руки, а нейдет сам в огонь, — сказал кто-то подле разговаривавших.

Старики оглянулись и увидели, что к ним подошел богатый купец нижегородский Замятня. Москвич переменялся в лице, а седой нижегородец обратился к Замятне.

"Держал бы ты язык свой на привязи, — сказал он. — Точно меч обоюдоострый слова твои: ни брата, ни друга не щадишь — рыкаешь, аки лев на краеградии!"

— Да ведь господин Истома мне ни брат, ни друг, — отвечал Замятня, смеясь. — Кто с ним торгует, тот и помолчать может, а целому миру рта не завяжешь. Иной наживает там, где все проживают, и вольно ему было сказать тебе, что он не бывал у татар — люди другое поговаривают!

Истома покраснел и побледнел.

"Добрая слава под лавкой лежит, а худая слава всегда на почетном месте сидит, — пробормотал он. — Мало ли что говорят и о князьях, и о боярах!.."

— Так будто все и неправду говорят? Глас народа — глас Божий! Будто князь да боярин уже все и хорошо делают? Как ты думаешь, старинушка, господин Некомат? — сказал Замятня, обращаясь к старику в синем кафтане.

Некомат поднял голову.

"Слушай, Замятня, — сказал он, дрожа от досады, — язык твой не доведет тебя до добра! К чему ты приплетаешь речь о князьях и боярах? Нынче и стены слышат, а не только что площадь, где народу так же просторно, как немецкой рыбе аселедцам в бочонке".

— Я ведь не порицаю никого, да что поговорю, так и только того! Вот иной и не говорит, да еще каждый раз приговаривает к имени своего князя: Батюшка наш, милостивый князь, а как придет к разделке, так в милостивого князя первым камнем бросает. Бывалое ведь дело — рассказывают...

"Не всякому слуху верь".

— Вот и об Истоме мало ли что говорят! Сказывают, будто он и в люди пошел с тех пор, как погрелся у татарского огонька в Тохтамышево нашествие.

"Я был на Волоке Ламском, когда вражья сила находила на Москву, а потом скрывался в Троицком монастыре. Когда же грелся я у татарского огня?"

— Ведь ты не на исповеди теперь, — сказал Замятня, смеясь, — и если и попался в табор татарский, так уж, верно, неволею, а не волею. Что же делать с татарами! Сабля вражья и прямую душу кривит. Народ поганый, народ окаянный, времена тяжелые — поневоле свихнешь либо направо, либо налево!

"Ох! тяжелые, тяжелые! — подхватил Некомат, как будто стараясь отдалить от себя неприятный разговор. — Пришествие языка чуждого от стран неведомых явное знамение пришествия кончины мира!"

— Почему же языка неведомого? Кто не знает по-татарски, тому он и неведом, а кто знает, так он и ведом ему!

"Нет, друг ты мой любезный, я говорю о происхождении сынов Агариных. Кто ведает, откуда окаянный рой басурманов налетает на православную Русь?"

— Как откуда? Разве ты не слыхивал?

"Нет, слыхал и читал во "Временнике", — отвечал Некомат, — где именно написано, что пришествие их положено при кончине мира. Мефодий Патарский пишет, что Александр Македонский ходил из Индии богатой к полунощному лукоморью и встретил там народов поганых, не соблюдавших ни поста, ни молитвы. И он загнал их за Синие горы, загородил горами, сотворил медные врата и запалял сунклитом, а его и меч не берет и огонь не жжет! Много лет прошло, они стали прорубаться сквозь гору и вышли".

— Ты забыл прибавить, что они никогда не прорубились бы, если бы мы сами не помогли им. Сперва прогрызли они оконце и начали подавать оттуда золото и самоцветные камни, а в замену просили железа. Что же? Христиане стали к ним железо возами привозить и подавать в оконце, так что лет через тысячу сквозь оконце прошли их тысячи и пришли отбирать свое золото тем железом, которое от христиан выменяли.

Некомат увидел, что его поймали на его исторических знаниях. Он замолчал, а Замятня продолжал говорить:

— То-то, дружище, если бы в христианском мире побольше правды было, так и дело шло бы иначе. Все мы хнычем да головою качаем, а что руки наши нечисты да сердца наши омрачены, о том не думаем. Вот уже двести лет с лишком, как мы кряхтим под татарскую плетью и ждем преставления света, а приготовились ли мы к тому? Грех сказать земле русской, что Господь не дает ей владык добрых, да народ-то живет со грехом пополам, так добрые князья, что семя на камне — процветет и погибнет!

"Правда твоя, — отвечал Истома, отдохнувши после слов Замятни. — Вот и нашу мать Москву выдают со всех сторон — стоит она, как сиротина на могиле отца и матери — нет ни помощи, ни пособия от других княжеств!"

— Хороша ваша сиротина Москва! — сердито вскричал Замятня. — Придет беда, так она и поет: помилуйте, православные, а отхлынуло, так того за ворот берет, кто ей помог! Ты, москвич, нашего брата-нижегородца не тронь! В наши сердца глядись, словно в матушку Оку, а в вашей Неглинной и ворон не видит, что он черен. Когда покойный князь Димитрий Иванович попросил стать за святую Русь — кто отказался? А там, как стал он гнуть других, так нечего жаловаться, что выдали его Тохтамышу!

"Не нуждается Москва в вашей помощи! Только золото вы не делали бы да не рыли ямы, и за то бы спасибо! Когда Тохтамыш пришел к Москве и три дня стоял, сам не зная, что делать, когда была у нас потом потеха и на самострелах, и на мечях, и наш воевода князь Остей не сдавался ни на какое льстивое слово, кто уговорил его, кто правил тогда на святом Евангелии, что татары не сделают зла Москве? Ваши княжичи — Василий да Симеон! На них пали кровь Москвы и пепел святых храмов ее!"

— Кто тебе сказывал? Там их вовсе не было.

"Нет! были они, и Москву они погубили! Ты ведь знаешь все дела князя Симеона, злодея, изменщика веры, холопа поганого хана, Некомат! Скажи, правду ли я говорю, что он, злодей, всему виною?"

— Почти что правду! — отвечал Некомат задумчиво, как будто нехотя и наклонив голову. Он, казалось, читал дела прошедшего в темной думе своей.

"Старик, старик! — отвечал Замятня с выражением упрека, — ты в гроб глядишь, а не щадишь своей совести! Симеон изменил Руси? Симеон продал свою веру и разорил Москву? Не в оковах ли приведен он был туда? Не поклялся ли ему Тохтамыш своим проклятым Махметом, что он не тронет в Москве ни синя-пороха? И когда безбожный хан нарушил свою клятву, когда москвитяне безумно поверили басурману — Симеона обвиняешь ты во всей беде, во всем невзгодье!"

Некомат покачал головою, встал с своего стула и тихо начал говорить, подняв глаза к небу: "Сердца людские грудью закрыты, и кто же узнает тайные помышления их? Но последствия всегда оправдывают праведного и накажут грешника. Если бы Симеон был муж праведен, то, по глаголу, должно бы ему быть счастливым и благоденственным, и роду его величаться. Писано бо есть, что память праведного с похвалами, и род его яко древо насаждено при исходищи вод. Где же Симеон? Погиб! Где род его? В тюрьме! Князь наш Борис Константинович княжит благоденственно над Нижним и смиряет злобу кротостью. Он праведен, а Симеон злой зле погиб!"

— И отец его был такой же вероломный и пагубный! — прибавил Истома хриплым голосом.

"Пощадите хоть кости-то доброго князя, вы, Некомат и Истома, вы, кому счастливый кажется праведником, а несчастливый грешником! Нет! Я ел хлеб князя Димитрия Константиновича и не попусти злому слову пасть на память его! Вспомни ты, горделивый москвич, не он ли получил от хана Агиса грамоту на Московское княжество и отказался от Московского престола, довольный Суздальским уделом? Не он ли потерял любимого сына, когда козни Москвы навели на него злого Арапшу? Не его ли дочь, благочестивая Евдокия, была супругою вашего Димитрия и матерью юного князя Московского, которому ты восписываешь такие хвалы и похвалы? Не сам ли Димитрий возвел Симеона на престол Нижегородский? А теперь, — продолжал Замятня, понизив голос, — теперь, когда князь Борис выкланял себе Нижний, обнадеев хана большею податью, вы славите его величие, а Симеон у вас злодей и отступник..."

— Да что судить нам о делах княжеских, — отвечал Некомат, — судит им Бог! Мир явно клонится к гибели и злу — брат восстает на брата, отец на сына. Горе идущему, горе и ведущему! Немцы, которые селятся теперь в Москве и Нижнем, до добра не доведут. Слышал ли ты, что какой-то немец вывез в Москву бесову потеху — стреляет живым огнем!

"О, да какая ж была страсть Божья! — подхватил Истома. — Как выстрелили в первый раз из той адовой потехи, так души у всех замерли — огонь и гром, дым и смрад пошли из ее жерела, словно свету преставленье! Ох! да что уж нынче — и мертвым костям покоя не стало! Затеял какой-то немец копать у нас на Москве ров кругом города — и гробы разметали, и косточки родительские повыкидывали... Прости, Господи, наше согршенье!"

Тут шум и крик народа прервали беседу. Все оборотились ко дворцу, увидели, что князь Борис выезжает из ворот дворцовых, окруженный своими сановниками и боярами. Золото блистало на сбруях коней и одежде князя и свиты его. Некомат и Истома втеснились в толпу, спешившую на встречу князя.

"Вот заступники твои, Симеон, — проговорил тихо Замятня, смотря вслед за Некоматом, — вот люди, которых осыпал ты благодеяниями, которым благодетельствовал отец твой! Первый рубль подкупает их, и первая полтина перевешивает все добро..."

— А Замятня забыл, что на площадях не говорят того, что думают, — сказал кто-то. Замятня оборотился и увидел человека с длинною бородою, в худом нищенском кафтане.

"Эх, товарищ! Плох стал народ!" — отвечал Замятня вполголоса.

— Когда же он был лучше?

"Нет ни совести, ни правды!"

— Правды искать у торгаша Истома! Кто ищет клада на кладбище, приятель?

"А Некомат, человек, которому благодетельствовал князь наш, послушал бы ты, что говорил он о нем и о роде его!"

— Что говорить ему! Язык его, как добрый жернов, вертится, куда повернут его на ворота, а ворот его серебро да золото!

Они пошли к церкви и тихо разговаривали дорогою.

"Наболтали мне они и Бог знает чего, — сказал Замятня, — а одно залегло у меня в сердце... Послушай: откроешь ли ты мне всю свою душу?"

— Для тебя ничего нет скрытого — спрашивай!

"Правду ль говорил мне Истома, будто Симеон изменил вере отцов своих и отступился от христианского закона? Уверен в нем, но человек в невзгоде так хил, так плох... С чего бы взять ему, окаянному!"

— Нет! он клеветает — он лжет! Симеон не изменил ни слову своему, ни вере своей! Храбр, как меч, тверд, как адамант-камень.

"Но горяч, как раскаленное железо, а мир, с своей славой и почестями, так светится, как звезда полуночная, стол княжеский так спит глаза..."

— Нет! говорю тебе! Горяч, но добро дороже ему золота и имя честное лучше стола княжеского — он не изменит кресту и вечному блаженству на временные блага!

"Слава Богу! Ты успокоил меня. Царство темное! ты не поработило донине ни одной души княжеской!"

— Но послушай, Замятня: ты сам не стоишь доброго слова. Дурак в тебе все высмотрит, как в стеклянной чарке, и болтун собьет тебя с толку! Будь осторожнее, будь умнее! Эй! береги слова!

"Бог видит душу мою, как я стою за правое дело, да язык мой злодей мой... А уж ИстOME окаянному напишу я на иссохшей его рожке правду..."

— Тише, тише... отойди от меня.

Князь Борис ехал мимо них. Все сняли шапки. Говор в народе уподоблялся жужжанию пчел. "Какой он дородный! — говорил народ, — то-то настоящий князь, то-то добрый князь Нижнего!"

— Помнишь ли ты, — шепнул опять нищий Замятне, — помнишь ли, когда Димитрий Иоаннович так же ехал здесь с князем Симеоном? Не тот ли самый народ смотрел на Димитрия, как на орла быстропарного, а на Симеона, как на сокола золотокрылого, и не мог нарадоваться красоте двух братьев? А теперь что Симеон!

"Что Симеон? Посмотри, как красуется князь Борис на своем вороном коне, а взглядишь-ко лучше, ведь коня-то этого подарил тогда князь Димитрий Симеону!"

— А кожух на боярине Румянце подарен был ему за верную службу его Симеоном!

"Это что за толстяк едет подле князя?" — спросил, смеясь, Замятня.

— Неужели не знаешь? Белевут, боярин московский. Он давно приехал сюда с уверением в дружбе от князя Московского. Вот и другой московский боярин, Александр Поле. Он живет здесь уже месяца три.

"А зачем?"

— Как зачем? Уверяет в дружбе.

"Разве князь Борис сомневается?"

— Бог весть! Видно, что у кого болит, тот о том и говорит. Да что там за толпа такая народа остановила коня княжеского? Смотри — падают на колени! Пойдем ближе.

Замятня и нищий протеснились сквозь народ и стали подле свиты князя. Князь Борис остановил коня. Первый боярин его, Румянец, подскакал к небольшой толпе народа, стоявшей на коленях, и поспешно спросил: "Что им надобно?"

— Мы не к тебе, боярин Румянец, а к князю Борису Константиновичу, — отвечал седой старик.

"Все равно — говорите мне!" — поспешно вскричал Румянец.

— Между князем и его народом, когда мы стоим пред лицом его, не надобно посредника, как между Богом и человеком нет посредника в молитве!

Румянец покраснел от гнева и грозно закричал им: "Прочь с дороги!"

Князь Борис, безмолвно смотревший на действия Румянца, тихо промолвил ему: "Что тут за люди, боярин?"

— Князь великий! — отвечал Румянец, преклонив голову в знак покорности, — это бродяги вятчане... Они пришли сюда собирать милостыню и рассказывать сказки.

"Нет, князь Нижегородский, — отвечали несколько голосов, — мы не нищие и не милостыни просим, но княжеской милости!"

— Помилуй, государь! — воскликнул старший из вятчан, — будь нашим спасителем — смилуйся над нами!

"Но зачем же вы здесь встречаете меня? Зачем не пришли в мой дворец?"

— Высоко крыльцо твоего княжеского дворца, и бояре твои стоят настоroje. Боярин Румянец

уже третий день гонит нас от твоего двора.

"Боярин! что такое они говорят?" — небрежно спросил князь у Румянца.

— Все последние дни ты был занят важными делами, и то ли время — слушать их жалобы! Они то и дело рагозятся!

"Всегда время князю пособить своим подданным и везде место спасти! — сказал старший вятчанин. — Государь князь великий! помилуй!"

— Ну, да теперь уж не время и здесь не место суда — после, — сказал князь и хотел ехать. — Допустите их ко мне, — примолвил князь, обращаясь к вельможам, за ним ехавшим.

"Нет, князь, мы не сойдем с места. Спаси и помилуй! Жены, дети наши гибнут — защити и спаси нас!"

Князь помолчал с минуту. Глубокое молчание было вокруг него.

— Говорите: чего хотите вы от меня? — сказал он, нахмутив брови.

Все вятчане поднялись на ноги. Старший из них подступил ближе и начал говорить:

"Ведомо тебе, государь, что жили мы в Вятке нашей тихо и мирно. Но теперь прошло прежнее время. С тех пор, как на Волге появились суда татарские, не стало нам покоя. Уже несколько раз приближались татары к пределам хлыновским. Мы откупались деньгами, отражали силою, а теперь нет нам спасения! Хан Тохтамыш грозит нам огнем и мечом. Его воинство уже давно собирается на Волге и готовит суда. Мурза Беркут идет поковать Вятку. Государь! спаси нас!"

— Я не могу ни спасать, ни оборонять вас, — отвечал князь, — вы не мои!

"Мы люди и христиане! Мы отдадим тебе Вятку со всеми городами — пошли защититесь нас!"

— Не могу защититесь вас и не стану ссориться с ханом, моим владыкою! Он решает судьбу вашу, и да будет вам, что он судил!

— Они сами разгневали великого хана, — закричал Румянец, — сами грабили его суда, убивали посланцев, крамольничали, ссорились, не платили дани!

"Платили, боярин, платили, но нет у нас более, чем платить. Князь и бояре! перемените гнев на милость! Куда нам деваться, если вы откажете? Кровь христианская не даст покоя вашей совести!"

— Старик! Не тебе учить меня — иди с Богом! Я не могу пособить вам!

"Заклинаю тебя святым храмом Божиим, куда едешь ты, князь Нижегородский! Нам остается броситься в воду, погубить души свои! Бог велит русским князьям защищать родные области и взыщет на тебе пощущение!"

— Видишь ли, государь, — сказал Румянец, — буйство лапотников? Так-то они поговаривают всегда!

"Кровь наша говорит, боярин! Князь! если ты отринешь нас, тебя отринет Бог от престола своего! Спаси христиан!"

— Замолчи, старый буйан! — вскричал князь и повернул коня в сторону.

"Итак, нет нам надежды ни от Нижнего Новагорода, ни от Великого Новагорода — один

отталкивает и другой не принимает! Князь! предшественники твои не оставляли нас. Князь Симеон и князь Василий ходили помогать нам — не заставь нас пожалеть, что венец Симеона возложен на твою голову!"

— Выгоните их из Нижнего! — вскричал князь. — Они буяны, нахалы, крамольники — не повинуются власти хана! — И гневно он удалился.

Горестно заплакали вятчане, когда воины оттолкали их с дороги. Блестящий поезд князя с презрением проехал мимо, и народ хладнокровно смотрел на людей, отверженных князем.

Солнце закатилось. Алая заря горела еще на дальних облаках, и струи Волги тихо плескали в берег, когда нищий, говоривший с Замятнею, шел с площади, откуда в разные стороны расходился народ. День был воскресный. Подле ворот почти каждого дома сидели беседы женщин и девушек, пели песни и играли. Молодые мужчины, в праздничных кафтанах, ходили по улицам и кланялись красным девицам. Нищий шел тихо и медленно. Он поравнялся с забором одного дома и, не доходя до ворот его, остановился. На лавочке у ворот дома сидела молодая девушка, в богатой повязке, с которой множество алых лент падало на спину, и жемчужные подвески спускались почти на полвершка на лицо. Нищий задумчиво смотрел на нее. Тяжелый вздох вылетел из его груди. Он был неподвижен и не приметил, заглядевшись, когда подошел к нему Некомат.

"Куда бредешь ты, Божий человек?" — спросил Некомат ласково, останавливаясь подле нищего,

— Куда ноги несут, — отвечал нищий.

"Я видаю тебя часто, — сказал Некомат, — и часто смотрю, как бродишь ты мимо дома. Для чего не зайти тебе ко мне и не попросить честной милостыни? Рука Некомата всегда отверзта на благостыню".

— Бедность робка, господин, и боится помешать тебе считать твое золото. Спасибо за приветное слово!

"От слов сыт не будешь — пойдем ко мне — я велю накормить тебя и дам на дорогу хлебца и деньжонок".

— Доволен Божьею милостию и не требую от людей. — Нищий побрел вперед. Некомат не отставал от него.

"Ты полоумный человек или юродивый, когда от милостыни отказываешься. Кажется, сегодня похорон богатых нигде не было и напиться было негде. Князь и бояре его не щедры".

— Щедра рука каждого дающего, а всякое даяние приемлю я во благо.

Некомат и нищий поравнялись с воротами дома, подле которых сидела девушка. Некомат остановился и сказал ласково: "Это ведь мой дом — зайди ко мне и отдохни!"

— Я не знаю, гость Некомат, что ты так ласково говоришь со мною?

"Не знаю отчего благообразное лицо твое мне нравится. Ты, я чай, не моложе меня. Молитва бедного лучше жемчуга перекатного — зайди ко мне и помолись моим иконам".

— Подай мне милостыню, гость Некомат, и все равно — я подарю тебя благословением и на улице!

"Не мечи бисера — размечешься, и не все говори на улице, что можешь сказать в светлице. Мне есть нужда поговорить с тобою".

— О чем же тебе говорить с нищим? Я ничего такого не знаю...

"А я кое-что знаю. Высоко сокол летает, себе цаплю выбирает".

Невольно вздрогнул нищий.

— Пойдем, гость Некомат, если ты требуешь. От хлеба-соли не отказываются!

Они пошли в дом. Девушка, дочь Некомата, ушла в дом, увидя отца. В темноте взобрались Некомат и нищий на высокое крыльцо, в сени и комнату. Лампадка теплилась пред иконами в углу. Хозяин и гость его помолились и перекланялись. Некомат повесил на крючок свою шапку. Между тем приказчик Некомата, высокий, худощавый мужчина, вошел со свечою, поклонился, поставил свечу на стол и удалился опять с поклоном. Нищий стоял у дверей. Прошло с минуту, пока Некомат молчал. Наконец он поднял руки над головою и громко сказал:

"Буди благословен тот день, когда я увидел опять сына души моей! Боярин Димитрий! — воскликнул он, — ты ли скрываешься от меня?"

Нищий молчал и стоял неподвижно.

"Боярин Димитрий! — продолжал Некомат, — ты не хочешь сказать мне ни одного слова?"

Тут нищий ступил вперед два шага, распрямился, переменил голос и мужественно и твердо отвечал Некомату:

— Если ты узнал меня, не буду скрываться, да и к чему скрываться мне? Если ты хочешь выдать меня князю Борису — выдавай, но прежде умру я, а не скажу ни тебе, ни ему ни одного слова!

Слезы потекли из глаз Некомата. Он закрыл глаза рукою и дрожащим голосом сказал Димитрию:

"Неужели я не доказал тебе прежде, боярин, как любил я тебя и доброго князя нашего Симеона? Не ты ли просил у меня благословения на брак с моей дочерью? Не я ли прежде обнимал тебя, как сына? Что ты не отстал от нашего князя, что прошло года два, как мы не виделись с тобой — так я и забуду тебя?"

— Полно, Некомат, — отвечал Димитрий, — я не шутить пришел к тебе, и меня не обольстишь сказками. Душа твоя по золоту ходит: было счастье, и ты был друг мне; прошло оно, и ты друг Румянца и князя Бориса.

"Не думал я на старости лет услышать от тебя такое горькое слово! Где же и когда я сотворил зло тебе и твоему князю? Если я не говорю вслух, как Замятня вздорливый, что князь Борис неправедно сел на столе Нижегородском, если я не кричу, что он безбожно отнял Суздальское княжество у своих племянников — боярин Димитрий! я отец: много гниет в тайниках молодцов за то, что громко поговаривали! Подумай — я узнал тебя; не в моей ли было воле указать на тебя князю и сказать: "Вот любимый боярин Симеона — возьми его, князь!"

— Некомат! я не могу оскорбить тебя укором за прежнюю жизнь. Ты всегда был сребролюбив, но никогда не слышал я, что злое дело легло на твою душу.

"И теперь чиста она, и теперь я вижу в тебе моего друга и сына! — Он обнял Димитрия и

крепко прижал к груди своей. — Узнай меня лучше, взглядишь в меня пристальнее".

Димитрий молчал.

— Соглашаюсь, что ты помнишь еще благодеяния Симеона, — сказал он, — но чего же ты от меня хочешь?

"А! ты открыл наконец неприступную душу твою! Теперь узнаешь, чего хочу я, теперь возвеселится душа моя! — Он потянул веревочку, привязанную к надворному колокольчику. Явился приказчик его. — Поди и позови гостей моих, — сказал ему Некомат, — а ты, Димитрий, пойдем со мною".

Не отвечая ни слова, Димитрий пошел за ним в сени и на лестницу. Некомат отворил дверь. Они вошли в девичий терем. Здесь сидела подле окна дочь Некомата с своею нянею. Она встала и почтительно поклонилась отцу и гостю.

"Няня! Поди и принеси нам хорошего меду! — сказал Некомат. — Хочу выпить с нищим братом моим из любимой золотой чары. Тебе не впервые угощать у меня нищую братию!"

Няня вышла. Несколько минут все молчали. Некомат как будто ожидал, пока няня сойдет с терема.

"Дочь моя ненаглядная! — сказал тогда Некомат, — помнишь ли ты жениха своего?"

Девушка вздохнула и не знала, что сказать.

— Ах, батюшка... — прошептала она, запинаясь.

"Жениха твоего, боярина Димитрия? Отвечай мне, Ксения!"

Слезы навернулись на глазах Ксении и покатались по лицу ее. Кисейным рукавом своим отерла она их и промолвила:

— Батюшка! все забыто, кажется — все... и давно...

"Нет! Я не забыл..."

— И где теперь мой жених! В какой стороне скитается он...

"Он здесь, Ксения! Посмотри — вот он, твой суженый!"

— Ах! — вскричала Ксения, и ноги ее подломились — она, как полотно, побледнела.

"Боярин Димитрий! Разве ты не хочешь открыть ей своей тайны? Видишь ли теперь, что я не изменник, что я не зла желал тебе, что родное дитя мое я не отнимаю у тебя, не отнимаю того, что мне всего дороже..."

— Некомат! — вскричал Димитрий, — вижу все и обнимаю тебя, как друга и отца! Ксения! Димитрий опять с тобою!

Ксения плакала навзрыд.

— Я не понимаю тебя, Некомат, — сказал печально Димитрий, — не понимаю, что ты делаешь со мною и чего ты хочешь, обновляя то, что я хотел, что я старался забыть!

Некомат улыбнулся: "Поцелуй свою невесту, свою суженую, а потом я расскажу тебе все. Некомат, поверь, не дремал в то время, когда не спала злоба врагов Симеона".

Димитрий обнял трепещущую Ксению и напечатлел поцелуй на губах ее.

— Ты не узнала меня? — спрашивал он. — Ты видела меня в наряде боярина, а теперь я нищий — поддельная борода и рубища представляют тебе старика дряхлого. Не кручинься, душа моя, — узнай меня опять!

"Сердце мое не забывало тебя!" — шептала ему Ксения.

— Но вот идет няня! — сказал торопливо Некомат, — она не ведает нашей тайны. Пойдем, Димитрий, пойдем! — Он вырвал руку его из рук дочери и повлек его за собою.

Они опять сошли в Некоматову светлицу. Как изумился Димитрий, увидя накрытый стол, блиставший серебряною посудой, и, когда два человека, сидевшие на передней лавке, встали, узнавши в них Александра Поле и Белевута, бояр московских.

Дружески подошли к нему бояре и приветствовали его ласково.

— Добро пожаловать, боярин Димитрий! — говорил Поле, обнимая Димитрия. — Юный годами, ты равен мне саном и подвигами! Мы не видались с тобою с самой Куликовской битвы. Тогда еще я заметил тебя в рядах воинов суздальских. Вот как теперь ты закутался, что тебя и не узнаешь! Да все равно: боярская кровь течет и под рубищем.

Димитрий не понимал, что значит все им виденное и слышанное. Он пробормотал несколько слов и остановился.

"Чара меду развяжет уста его, — сказал Некомат и налил четыре огромные стопы из оловянного жбана. — Да здравствует князь Василий Дмитриевич Московский, племянник и друг князя Симеона!" — воскликнул Некомат.

— Да здравствует! — повторили московские бояре. Димитрий взял стопу; все разом чокнулись, и разом все стопы были осушены,

"Куда он запропастился? Где девался? Вот уж загорается заря на востоке — не сделалось ли с ним беды какой? Избави нас, Господи!" — так говорил сам с собою человек, бродивший по берегу Волги и беспокойно глядевший во все стороны.

Вдруг вдалеке показался другой человек и шел прямо к тому месту, где бродил нетерпеливо ожидавший. Тот остановился, огляделся пристально и, видя, что идут прямо на него, запел вполголоса: Высоко сокол летает. Подходивший повторил также: Себе цаплю выбирает. "Ты ли, Димитрий?" — спросил первый.

— Я, — отвечал подходивший. — Ты давно ждешь меня, Замятня?

"Давно! Хорош молодец! Спрашивает, как будто и не знает, что я с полуночи торчу здесь, словно грань поверстная, а теперь скоро светать начнет!"

— Терпи, товарищ! — сказал Димитрий, крепко ударив его в руку, — терпи — скоро и на нашей улице праздник будет!

"Да ты и то как будто с праздника! Некстати, брат, затеял ты веселиться, куда некстати!"

— Не ври, Замятня, пустая башка! У тебя сквозь голову слова летят, ума не спросившись,

"Димитрий! Что тебе вздумалось?"

— Слушай, Замятня! Ты добрый человек, но точно колокол! Стоит раскачать язык твой, и ты

зазвонишь на весь мир. Знаешь ли ты, до чего было доводил ты всех нас? До плахи, безумный болтун!

Замятня содрогнулся.

— Да, Некомат знал уже, что ты собираешь верных слуг Симеона, знал, где скрытно хранится у вас оружие и где вы собираетесь. Третий день, как я в Нижнем, а вчера Некомат уже заметил меня — и все по твоей милости!

"Провались я сквозь землю, если сказал хоть слово..."

— Полуслова довольно для такой хитрой головы, какова Некоматова. Ты кричал везде и всегда, пел даже песню нашу при Некомате, и он все разведал, все узнал...

"Ах! сгинь он, окаянный! Да я ему сегодня же шею сверну — вот и концы в воду".

— Молчи и слушай. Ты знаешь, что Некомат был одним из любимых слуг князя Дмитрия Константиновича — Симеон вырос при нем, и в былое время, когда глазки его Ксении зажги мое ретивое, дело у нас было слажено. Но князь Борис завладел Нижним, Симеон бежал, и я следовал за князем. У Некомата сердце заперто в золотом сундуке его, но я прощаю ему, что он не расстался с Нижним и с сундуком своим. Он наш...

"О! если бы слова твои были правда!"

— Слушай далее. Князь Московский послушался благого совета своей матери. Он теперь в Орде, и когда, поехавши туда, подле Симонова монастыря взглянул он в последний раз на Москву и на расставаньи горько заплакал, княгиня Евдокия Дмитриевна молвила ему золотое слово: "Сын милый! не обижай дядьев, не тронь Нижнего! Москвы довольно тебе и детям твоим — так и отец твой думал!" Кдась умилился и дал ей слово передать Нижний Симеону, Суздаль — Василью, а Бориса пересадить в Городец по-старому, когда бог принесет его подобру-поздорову из Орды. Тогда приехал в Нижний московский боярин Поле...

"Но ведь он приехал к Борису?".

— Что станешь делать, когда в нынешнем свете и правду делать можно только через неправду — таков обычай повелся! Боярин Поле бражничал с Борисом и разведывал о доброхотах Симеона. Наших товарищей никто не знал, но Некомат перемолвился с Полем, догадался, а теперь они поладили, и за веселой беседой втроем мы все кончили!

"Кончили? Чем?"

— Быть Симеону князем Нижегородским, под рукой племянника своего князя Московского, по благословению сестры его княгини Евдокии. Князю Василью отдать Суздаль, а князь Борис добро пожаловать по-старому в Городец! Завтра либо послезавтра явятся сюда послы татарские и московские. Христианской крови лить не будем. Придем к князю Борису и ласково скажем ему: "Не на своем столе сел, князь Городецкий..."

"И тогда-то запируем, товарищ! Вместе горе, вместе радость! Да здравствует Симеон!"

— Тише, тише! Вон народ уж зашевелился. Ползут на белый свет суеты и заботы — пойдем скорее...

Они замолчали и спешили идти. Но, поравнявшись с домом Некомата, Дмитрий остановился, посмотрел несколько мгновений на терема его и узорчатые кровли и невольно промолвил:

— Свет мой, невеста нареченная! почивай с Богом, да просыпайся на радость! Взойдет и для нас красное солнышко!..

Когда от избытка радости говорил Димитрий, ворон сел на кровлю Некоматова дома. В тишине утра зловещий голос его раздавался, как вестник горя и несчастья, и собака жалобно завyla на ближнем дворе. Димитрий содрогнулся — сердце у него замерло... * * *

Солнце только что осветило Нижний Новгород и яркими лучами заиграло в струях Волги, как в ворота Некоматова дома застучали железным кольцом. Глухой стук в медную бляху раздался на улице, и через минуту полусонный дворник Некомата окликнулся, не отворяя ворот: "Кто там?"

— Добрые люди! — отвечал человек, стучавший в ворота и пожимавшийся от утреннего холода. — Отворяй!

"Да кого тебе надобно?" — спросил опять дворник, унимая двух огромных собак, громко лаявших на дворе.

— Самого хозяина твоего, старый хрыч! Отвори скорее — разве ты меня не знаешь?

Ворча про себя, дворник отпер огромный висячий замок, отворил немного ворота, высунул голову и увидел человека в беличьем тулупе, огромного и толстого. Он хотел повторить свои вопросы, но, видно, гость не был расположен отвечать ему. Он грубо оттолкнул старика и вошел во двор. Собаки бросились на него.

— Уйми их, старый! — вскричал незнакомец.

"Сам уйми, московский барин!" — отвечал дворник сердито.

На лай и шум отдернулось волоковое окошко и показалась голова Некомата.

"Кто тут шумит?" — вскричал Некомат, но, увидев незнакомца, он переменял голос и ласково прибавил: "А! добро пожаловать, ранний гостенек, добро пожаловать!"

— Вели проводить меня, Некомат! Дворник твой с товарищами загрызли меня.

"Тотчас, тотчас!" — Волоковое окошко задернулось, и через минуту Некомат, в засаленном полукафтаны и с огромною связкою ключей у пояса, явился на крыльце. Гость вошел к нему. "Милости просим, боярин Белевут!" — говорил ему Некомат, растворяя дверь светлицы.

— Крепко ты живешь, гость Некомат. Видно, что деньги бережешь.

"И, боярин! Какие у нашего брата, бедного торговца, деньги! Уж так у нас заведено. Ведь мы не вам под стать и полоротыми ворот никогда не оставляем. Есть и недобрый народ — как не бояться..."

— А особливо, когда вот этакое добро в доме! — сказал Белевут, усмехаясь и указывая на множество соболей и лисиц, раскладенных по лавкам, и на большую, окованную железом шкатулку, стоявшую на столе.

Некомат с трудом поднял шкатулку со стола и поставил под лавку: "Извини, боярин, что прибраться не успел. Так, вздумалось было поразобрать товар — вчера купил. И кто ж думал, что так рано пожалует ко мне такой дорогой гость? Не знал я, что ты встаешь с петухами. Наши бояре долее залеживаются на своих пуховиках".

— Нет! этого я не скажу: у вашего князя уж давно хлопают бичами и трубят в рога на Соколином дворе. Он тоже, видно, следует Мономахову наставлению: вставать рано и день

начинать с солнцем.

"Что и говорить, боярин! На охоту у нас рано встают, а дела как просыпают!"

— Да и Нижний-то едва ли не проспали!

"Кажись, так", — отвечал Некомат, сомнительно взглянув на Белевута:

— Сказано — сделано, гость Некомат! Ведь мы обо всем переговорили, и я тебя еще вчера поздравил с дорогим зятем. Боярин Димитрий молодец хоть куда, — прибавил он, перебирая рукою рыжую бороду свою и усмехаясь.

"Добрый молодец, боярин", — отвечал Некомат, в недоумении глядя на Белевута.

— Ну, и не бедный, прибавь к тому!

"Княжескою милостью, боярин, а с нею и богатство будет".

— Ведь он старого рода, так как не быть у него и старинке отцовской!

"Какая же старинка, боярин, когда ему теперь головы негде преклонить! Да и отец его был такая беспутица и бестолковица! Бывало, обеими руками сорит деньги, дает встречному и поперечному, а кроме того, пиры да гульба, бражничанье да беседы! Дом у него был как полная чаша — и теперь еще есть остатки, правда, да не в руках. Но если по милости вас, бояр, и князя вашего Василия Димитриевича Симеон будет князем Нижегородским, так Димитрий с лихвой получит все, чего из добра его завладел Румянец с братией, и дочери моей, конечно, не придется самой варить щи".

— Но за такого честного боярина можно отдать дочку, когда и денег лишних у него не было бы...

"Оно так, да чем жить-то им будет, боярин? И курица пьет, а человек кровь и плоть — ест и пьет!"

— Что ты говоришь, Некомат! Честь чего-нибудь стоит!

"Честь не в честь, когда нечего есть, боярин. Правда, нашему брату посадскому с боярином породниться почесть немалая, но все деньги притом не лишнее".

— Полно притворяться, гость Некомат. На твою долю станет, и зятю дать еще останется. Будто в Нижнем и не знают, что у кого есть... Земля говорит!..

"Хоть и праведно нажитым, а хвалиться не буду, но Господь помог мне скопить кое-что, чем под старость дней моих могу пропитаться".

— Видишь, в нынешнее время, Некомат, на том все вертится: и чин да почесть не столь надежны нынче, как ларец кованый, где боярство и княжество твои лежат спокойно и звенят, когда велишь им звенеть. Было бы на что купить, а то — что нынче не продается!

Некомат слушал в изумлении; губы его дрожали; слова замирали на его устах. Он хотел, казалось, угадать, что такое скрывал Белевут под своими обиняками, но толстое лицо Белевута было неподвижно. Играя концами своего узорочного кушака, он продолжал:

— Чего ты испугался, Некомат? Я займы у тебя просить не стану. Мне хотелось только сказать тебе, что я смотрю на все не такими глазами, какими, кажется, ты смотришь. Вы все глядите на Нижний свой, а что бы вам не поглядеть через него далее — ну, хоть и в Москву,

"Как нам забывать Москву, боярин! От нее и смерть, и живот. От вашего князя ждем мы

теперь милости".

— От вашего! Говори вернее — от нашего.

"Как, боярин?"

— Так, гость Некомат. Ужели тебе такая мысль в голову не приходила? Когда рука Московского князя может посадить и ссадить князя Нижегородского, тут много ли думать надобно?

"Боярин! что ты хочешь сказать? Вчера ты говорил, что князь Московский готов помогать нашему, показывал грамоту его..."

Белевут встал и начал ходить по светлице. Он, казалось, искал слов, не зная, как приступить к тому, что хотел сказать.

— Видишь что, — промолвил он наконец, — милости нашего князя неистощимы. Он щедр для тех, кто ему послушен, и грозен тем, кто его ослушается. В Москве и безопаснее, и привольнее жить. Кто поручится, что будет вперед... Ну, да я почитал тебя догадливей, гость Некомат! — вскричал сердито Белевут и взялся за свою богатую шапку.

"Боярин, господин честной и почтенный! — сказал Некомат, кланяясь, — не гневайся! Ведь и мы, посадские, смекнуть умеем. Ты загнул загадку, а отгадка-то, видно, после сказана будет?"

— Умный и теперь ее угадает, гость Некомат, — отвечал Белевут, смеясь. — Не ручаюсь за вашего Симеона — ведь еще будет ли он послушен нашему князю, а не будет... так знаешь — старший брат волен меньшему и покрепче приказать — ну, а нашему брату что мешаться в княжьи дела? Было бы нам тепло, а у какой печки греешься — тебе что до того? Да вот к воротам подвели моего коня. Князь Борис звал меня с собою. Некомат! понял ли ты меня! Верь дружбе Белевута и на старости не одурачь себя. И в Москве есть женихи для дочерей богатых нижегородских!

Он вынул лист бумаги, на котором написано было множество имен.

— Видишь! — сказал он Некомату, указывая на имена Димитрия, Замятни и других, подле коих поставлены были киноварью крестики. — А вот и Некоматово имя! — Он указал на замаранное черными чернилами имя его.

Некомат побледнел, когда Белевут спокойно прибавил:

— А, вот этого молодца-то я и забыл, — и ногтем провел черту подле имени брата Некоматоза, Федора, горячего приверженца Симеонова.

"Господи, вразуми меня!" — шептал про себя Некомат. Тут Белевут обратился к нему, но лицо Некомата уже прояснело. Никакого недоумения не изъяслял он и ласково, почтительно пожимал толстую Белевуту руку, провожая гостя с крыльца. Белевут еще остановился на первой ступеньке, подумал, шагнул еще — и воротился.

— Некомат! — сказал он, во всем власть Божия да княжая, а дружба Белевута не изменит тебе и понадежнее дружбы боярина без боярства!

Он сошел поспешно, сел на своего коня и поехал ко дворцу княжескому.

Скорыми шагами возвратился Некомат в светлицу, остановился, подумал, еще подумал и, как будто недоумевая, громко сказал сам себе: "Что же? Они думают погубить меня? Аль сберечь? Что говорил он вчера? А что теперь говорит? Боже, Господи! Милостив буди мне,

грешному!" Жадно озирался он кругом на груды соболей и чернобурых лисиц. "Вот, — вскричал он, — к чему и стяжание! Пособит ли оно тебе в час гнева Божия? Ты смотришь на свое золото и серебро, а между тем боярин какой-нибудь ставит красный крестик подле твоего имени, и дни твои изочтены суть!.." В раздумьи ходил он по светлице. "Однако ж, — вскричал он, останавливаясь, — не сули журавля в поле, а дай синицу, да в руки... Мне-то что же? Да! Безумный я был в то время, когда медом моим запивал посулы московские! Ждать бы мне, ждать, да и только — нелегкая меня дернула..." И поспешно стал Некомат складывать в сундук дорогие товары свои. Потом схватил он шкатулку и, нагибаясь под ее тяжестью, вышел в задние двери. * * *

Между тем Белевут подъезжал ко дворцу княжескому, и из ворот дворцовых высыпало навстречу его множество сокольников и охотников, вельмож, бояр, а за всеми выехал сам князь Борис. Дорогой сокол сидел на руке его. Конь шел гордо и величаво.

"Здравия боярину московскому! — сказал Борис весело. — Насилу приехал ты, старый сокол! Пора, пора! Видишь ли, какой у меня молодец?"

Он щелкнул в нос своего сокола.

— Сокол хорош, и пора тебе пошевелиться с места, пора, князь Нижегородский! — отвечал Белевут. — Я ждал ответа боярина Румянца.

"Все готово, боярин", — сказал Румянец смеясь.

— Так поедем скорее. "Кто погуляет утром часа два, тот запасется здоровьем на два года", — говорил мне когда-то армянин-лекарь.

"Сам сухой, как спичка, так уж как не поверить ему!" — подхватил Румянец. Все засмеялись, и поезд княжеский отправился. Дорогой Белевут приблизился к Румянцу.

"Что московский колдун? Сколдовал ли?" — спросил его Румянец тихо.

— Высылай на Коломенскую дорогу. Они близко! — отвечал Белевут.

"Так пускай же князь тешится охотой, — шепнул Румянец, — а мы потешим его поладнее!"

Он отстал от поезда княжеского в переулке, куда повернул Борис с своею свитою. Тихо простоял он там, пока все проехали, и поскакал назад. Ему попался боярин Поле.

— Что? — вскричал Поле. — Убаюкано ли твое дитя?

"Они распотешились охотою, — отвечал Румянец. — Далеко ли ваши?"

— Не замешкают! Скачи во дворец и прибери все к рукам, да не положи охулы на руку.

"Вот еще о чем тревога!" * * *

Между тем князь Борис и свита его выехали из города. День был осенний, но прекрасный. Перед ними открылся вдали густой лес, через который пробита была торная дорога к заповедным болотам княжеским. Сокольники поскакали вперед — и вот длинноногая цапля поднялась над лесом, вылетела на дорогу — и княжеский сокол спущен. Он взвился стрелою, прямо к цапле, но цапля уже стерегла его, быстро перевернулась через голову, сокол промахнул — крик, хохот и шум охотников раздались по лесу. Сокол опять взвился и камнем пустился вниз, стараясь перебить ветер у своей добычи. Увертливая цапля видела опасность, хотела спастись от своего страшного преследователя и полетела в сторону. Все поскакали туда.

Вдруг вдалеке поднялась пыль. Казалось, что множество всадников скачут во весь опор. Князь и свита не могли понять: кто смел выехать на дорогу, где запрещено было ездить, когда князь охотится?

"Чего смотрят ваши сторожевые? — закричал гневно Борис. — Смотри, что за сволочь там шевелится? Схватить их, в город, в тюрьму!"

— Князь! — отвечал один из бояр. — Сюда скачут какие-то всадники, и прямо на нас! Эй, сокольники, сюда, к князю!

В смятении столпилась вокруг князя Бориса свита его. Всадники приближались. Их было около десяти человек, с головы до ног вооруженных. Между ними отличался один одеждою и величественным ростом своим. Он скакал впереди всех.

"Господи помилуй! — вскричал князь Борис, перекрестившись. — Что такое? Ошибаюсь ли я? Симеон? Измена! Вы меня хотите ему выдать!"

— Нет, князь! — вскричали несколько голосов. Мечи были обнажены и бердыши выправлены.

"Остановитесь, остановитесь! — издали кричал воин, ехавший впереди других. — Князь Борис! Тебе кланяется твой племянник: или ты не узнаешь меня? Я — Симеон!"

— Как не узнать тебя, нежданный гость! — вскричал Борис. — Откуда птица вылетела? Зачем залетела на святую Русь?

Симеон остановил всадников своих. Все они сделались неподвижны по слову Симеона. Он один приблизился к Борису и хотел говорить.

— Отойди прочь, изменник, отступник, — закричал гневно Борис. — Спрашиваю тебя еще раз: зачем явился ты сюда? Или, как второй Святополк, хочешь ты зарезать нового Бориса?

"Родимый дядя хорошо привечает племянника, — сказал Симеон, горестно улыбаясь. — Боже, творец небесный! диво ли, что православная Русь погибает! Дядя крамольничает на племянника, племянник отнимает добро дядино — и вот как встречает родня родного через два года разлуки! Здравствуй, князь Борис Константинович! Хоть не бранись, пожалуй, когда я не начинаю брани. Прежде Симеон не дал бы тебе в том переду, но время переходчиво — что делать! Дай мне свою руку, и помирится..."

— Мне с тобой мириться, выродок князей Суздальских! Преклони колени и жди суда дяди твоего и князя! Возьми его, дружина!

Вдруг бросились несколько человек на Симеона. Он осадил коня своего и схватился за меч рукою.

"Прочь вы, сволочь наемная, цаплины дети! — вскричал он громовым голосом. — Со мной нет золота — и кто подступит ко мне, тот переведается с железом!"

Дружина Симеонова прискакала к нему, видя его опасность. Еще раз остановил ее Симеон.

"Князь Борис! дай мне вымолвить слово. Разве я сумасшедший, что приду гнать тебя из Нижнего с десятью человеками или приду отдаться тебе руками? Удержи твою челядь и слушай!"

— Отдай оружие! — вскричал князь Борис.

"На, возьми его! — отвечал Симеон и гневно кинул к ногам его свой меч и свое копье. —

Безумный князь! гибель над твоей головой, а ты скачешь по болотам за цаплями! Симеон не ходил по-твоему челобитничать о чужом наследстве у хана, а отнимал у тебя честным боем свое наследие. Я пришел к тебе мириться — мириться в час общей гибели! Не требую твоего привета и ласки — не гордись и знай: ты и я — мы погибли оба!"

— Что ты смеешь говорить мне, бродяга?

"Господи! Пошли мне духа кротости! — вскричал Симеон, сложа руки и обратив взоры к небу, — Князь Борис! хорошо — я отдаюсь тебе — вели удалиться твоей дружине, и я расскажу тебе все. Три дня без отдыха скакал я в Нижний, и уж сутки не было у меня во рту макова зерна. Не врагом пришел я к тебе и не ссориться с тобою. Ты знаешь Симеона и поверишь, что, если бы не последняя мера суда Божия на обоих нас, — ты не увидел бы здесь меня безоружного!"

— Вижу, что ты пришел с покорною головою, Симеон, — сказал Борис, успокоенный поступками Симеона. — Теперь, здравствуй!

"Здравствуй, раб князя Московского!" — отвечал Симеон, презрительно усмехаясь.

— Как? Ты смеешь мне сказать?..

"Поезжай скорее в свой дворец и встречай послов московских. Они теперь уж, верно, в Нижнем и привезли тебе подарки от хана".

Борис побледнел и оглянулся на своих воинов.

— Где Румянец? — вскричал он. — Где Белевут? — и затрепетал, не видя их. Общее смущение видно было на всех лицах. — Симеон! ради Бога скажи: что ты говорил мне? Какие послы? Какие подарки?

"Ох! князь Борис! И ты хочешь княжить в такое время? Он и не знает, что у него делается! Вот теперь-то спознаешь ты, кто тебе был враг настоящий и чего тебе беречься! Поедем скорее в Нижний — я все расскажу дорогою".

Он повернул коня. Безмолвно следовали за ним Борис и все охотники; с ними смешалась дружина Симеонова.

— Объясни мне, князь Симеон, — сказал наконец Борис, — что такое ты говоришь?

"Легко рассказать, да каково-то будет тебе слушать: ты уже не князь Нижнего Новгорода! Ты захватил мое наследие и не умел удержать его. Мне обещал отдать его хан Тохтамыш, отдал тебе, а теперь подарил князю Московскому".

— Князю Московскому!

"Подарил, и с придачею Мещеры, Тарусы, Городца и Мурома. Хочешь ли ты ему отдать Нижний?"

— Я? Нет! Никогда!

"Давай же руку, князь Борис, — я с тобой! Подкрепи Бог твою храбрость, а не то дай мне управиться и с Москвою и с ханом!"

Борис молча подал руку. Забытое воспоминание родства как будто растрогало его сердце. Он пожал руку Симеона.

"Жива ли княгиня моя?" — спросил Симеон изменившимся голосом.

— Жива и здорова.

"А дети мои?"

— Здоровы.

"А брат Василий?"

— Также.

"Где же они? В тюрьме?" — спросил дрожащим голосом Симеон.

— Нет! — отвечал Борис, скрывая свое смущение. — Княгиня твоя и дети живут сохранно в Георгиевском тереме, а князь Василий в Городецце... под стражею...

"Бог с тобой, дядя! Сколько зла сделал ты нам твоею окаянною жадностью. — Симеон утер слезу. — Но что было, то было, и кончено!" — примолвил он задумчиво.

— Князь Симеон! Я отдам тебе Городец и Суздаль.

"Спасибо! Щедро даешь, да еще дадут ли тебе самому хоть посмотреть на твой Городец!"

— Вместе души, вместе руки, — и Бог станет за правых!

"Правых, князь Борис? Ты сам себя осуждаешь! Но слышишь ли ты — что там такое делается?"

— Кажется, бьют в набат на Спасской колокольне! О Господи! защити нас!

Быстрее прежнего поскакали они в город.

"Не думал я, что так скоро отзовется здесь голос хана! — сказал Симеон. — Видно, и москвичи медлили не далее моего. Поспешим!"

Они въехали на пригорок, с которого открылся им весь Нижний Новгород. По всему заметно было, что в городе большое смятение. Уныло отдавался набат, хотя нигде не видно было пожара. Народ бегал по улицам. Воины, полуодетые, бежали из домов своих. Борис и Симеон въехали в город и смешались с толпами народа. Напрасно спрашивали они, что такое сделалось — никто не знал. Все были испуганы набатом и спешили на площадь.

Там толпы народа уже сбежались со всех сторон. Воины нижегородские стояли рядами. Перед ними на коне был Румянец и что-то горячо говорил им. Увидя Бориса, он остановился в смятении... * * *

Ни один человек в Нижнем Новгороде не оставался спокоен. Народ любит бежать на всякий шум, а теперь еще более все взволновались, видя, что в городе сделалось что-то необыкновенное. Набат, воины, собранные рядами у дворца — все было непонятно нижегородцам. Говорили, что татары подступают к городу; что Симеон пришел к Нижнему с войском — кричали, спрашивали, отвечали и не знали, что такое говорят. Жены, дети стояли подле ворот домов своих и нетерпеливо преследовали встречного и поперечного вопросами: "Что там такое, родимый, сделалось?"

У Некоматова дома была толпа его челядинцев, стариков, старух, детей. Разинув рты, смотрели они на волнение, когда подскочил к ним воин на борзом коне и в светлом шеломе.

"Дома ли гость Некомат?" — вскричал он.

Изумленные зрители не знали, что сказать ему.

"Верно дома!" — сказал воин, спрыгнул с коня своего и побежал в светлицу.

— Ведь это боярин Димитрий? — говорили между собою свидетели неожиданного явления.
— Откуда он взялся? Зачем он здесь?

Димитрий толкнул в двери светлицы; они были заперты. С лестницы терема тащилась старая няня Ксении.

"Где гость Некомат, старушка?" — спросил Димитрий.

— В саду, батюшка, — отвечала няня, — прикажешь позвать его?

Но Димитрий не дослушал слов старухи и бросился в сад. Там, в углу между деревьями, увидел он старика. На коленях, нагнувшись к земле, закрывал Некомат пожелтевшими листьями дерев место, где заметно взрыта была недавно земля. Голос Димитрия заставил его содрогнуться. Он оборотился, испуганный, и не знал, что сказать ему.

"Готов ли ты на дело, гость Некомат?" — вскричал Димитрий.

— Готово, сердце мое, готово! — отвечал Некомат, отталкивая ногою заступ, брошенный на землю.

"Что значат твое смущение, твой встревоженный вид! Зачем ты здесь — в саду?"

— Я... я хотел бы знать, боярин, что за нужда тебе спрашивать? Куда ты спешишь? Зачем я тебе надобен?

"Колокол говорит тебе, Некомат, что мы начали свое дело. Вижу, что ты делал здесь: золото твое не давало тебе покоя, пока ты не схоронил его!"

— Дивлюсь, бояре, что вам все чудится у меня золото, и вы только и доспрашиваетесь его у меня!

"Некомат! не схоронил ли ты с золотом твоим усердий к правому юделу? Готов ли ты?"

— Куда же боярин? На что мне быть готовым? Бога ты не боишься — среди бела дня приезжаешь ко мне... Ну, если увидят...

"Что с тобой сделалось, Некомат? Чего ты боишься? Не кончено ли все было вчера? Теперь скрываться нечего — власть князя Бориса скоро разлетится, как дым! Все готово... Поспешим на Спасскую площадь! Мои молодцы все в сборе!"

— Боярин! Зачем же я-то туда пойду! Человек я старый, не ратник, не воин... Дело, может, дойдет до мечей... Боярин Димитрий! и ты себя побереги — ради меня — ради моей Ксении — твоей Ксении...

Димитрий в изумлении смотрел на Некомата, бледного и трепещущего. Жалкая трусость видна была во всех движениях старика. Резкий звук трубы раздался вдалеке — другой звук отвечал ему с другой стороны.

"Слышит ли, Некомат? Вот съехались и удалцы мои! Они подают вестовой голос. Идешь ли ты с нами?"

— Ради Христа, боярин Димитрий! Голова моя кружится... Позволь мне молитвою участвовать в вашем деле... Благословляю тебя отцовским благословением... Береги себя, сын мой!

"Если мне судил Бог положить душу за моего князя — умру радостно... Но я точно ошибся,

Некомат: ты не годишься на наше дело... Я полагал в тебе более смелости. Жди же меня, или мертвого, или... Прощай!"

Громкие клики раздались перед садом. Блестящие оружия показались вдали.

— О! ради Бога! Пойдем к ним! — вскричал Некомат. — Пойдем к ним! Тебя ищут — не приводи их сюда!

Он поспешно пошел из сада, оглядываясь во все стороны с ужасом и трепетом. На дворе Некоматовом было множество всадников. Ворота были настежь растворены, и перед ними еще более видно было пеших и конных воинов и народа с дрекольем. Только что показался Димитрий с Некоматом, как брат Некомата Федор со смехом закричал им навстречу:

"Вот они оба! Поздравляю тебя, боярин: ты умел вытащить и моего тяжелого братища! Что, Некомат, не отсиделся?"

— Федор! я всегда был душою за Симеона!

"Кто ж узнает вас, хитрецов! Боярин! пора, пора — мои все здесь! Только Замятня, бог весть, где девался!"

— Что вам до него — он свое дело знает!

"Коли так, то мешкать нечего — с Богом! Белевут только что проехал здесь. Он звал нас к Спасу и сам велел бить набат. Московские воины и послы уже в городе и едут прямо туда. С ними и ханский посол".

— С Богом! — Димитрий вскочил на коня. — Прощай, Некомат, — молись за нас усерднее!

"Как: молись? Разве он не с нами?"

— У него голова болит и кружится. Оставьте его.

"Нет, нет! — вскричали множество голосов, — он хитрит! Не пускать его!"

Только тогда заметил Димитрий, что многие из воинов и народа были пьяны. Он хотел защитить Некомата. Толпа зашумела — начался спор. Смело растолкал Димитрий толпу, но послушание было потеряно. Тут прискакал еще воин.

— Ребята! Товарищи! — вскричал он, — мы ошиблись: Борис не дремлет! Его дружина собралась подле княжеских теремов. Приверженцы Бориса поднялись! К делу скорее — там наших бьют!

Смятенный крик раздался в толпе:

— За Симеона! За Симеона!

Все бросились в беспорядке на улицу, но Некомата не оставили. Его ухватили за ворот.

"Спасите меня!" — кричал он дрожащим голосом.

Димитрий был уже далеко и скакал по улице в тесноте народа.

— Кричи с нами! Иди с нами! — шумели вокруг Некомата.

"Дайте мне хоть шапку взять!"

— Уйдет — не пускать! На мою — вскричал один из толпы и надвинул на него свою шапку. В

отчаянии закричал Некомат громко: "Да здравствует Симеон!" — и его увлекли в толпе и смятении. * * *

Тихо и спокойно светило солнце на суеты земные. Ни одного облачка не было на небе. Ветерок веял освежительным холодком. Неизменяема была природа — волновались только люди. Все страсти разыгрались на просторе буйного своеволия.

По условию с Белевutom, Димитрий собрал к Некоматову дому всех своих сообщников. К ним пристало множество недовольных князем Борисом и его боярами. Воины Симеона, жившие скрытно в Нижнем, все явились в условленное время. Безумцы! Они не знали, что коварство готовило только сети для их погубления!

Разнообразное скопище, предводимое Димитрием, шумно бежало к Спасской церкви, где глухим воем отзывался набат.

Димитрий был впереди всех. Но только что хотел он повернуть на площадь, как навстречу ему прибежал воин.

— Боярин! будь осторожен: дело наше худо! — вскричал он.

"Что ты говоришь?"

— Послы московские уже там. С ними посол хана, но знаешь ли, кто посол ханский? Царевич Улан!

"Избави Бог! Зачем послал Тохтамыш его, а не иного?" — И Димитрий бросился опрометью — за ним последовали другие. Толпа, где находился Некомат, отстала от них. Вот с боковой улицы бежит другая толпа и кричит громко:

"За Бориса! За князя Бориса!"

— За князя Симеона! — отвечали яростно приверженцы Димитрия.

"Прочь Симеона!"

— Прочь Бориса!

Тут в бешенстве бросились обе толпы друг на друга. Но приверженцы Бориса были сильнее. В несколько минут рассеялись заступники Симеона. Молодой боярин Бориса ринулся в самую середину скопища с мечом в руках, Некомат успел вырваться и броситься к нему.

"Ты зачем здесь, гость Некомат?" — вскричал боярин.

— Я за Бориса, кормилец, я за Бориса! — едва мог, проговорить Некомат, задыхаясь.

"Добрый человек, но как же попался ты к ним?"

— Неволею, боярин! Меня прибили, уволокли!

"Я твой защитник — пойдем с нами!"

И Некомат, махая чужою шапкою, пошел с боярином и его дружиной при громких кликах: За Бориса! За Бориса!

Так стремились со всех сторон буйные толпы народа. В смятении почти никто не знал, что делает и куда бежит. Это предвидели, этого ждали Белевut и сообщники Москвы.

Близ церкви Спаса, в тесноте народной, видны были блестящие ряды многочисленной

Московской дружины. Юный князь Димитрий Александрович Всеволож предводил ими. Несколько татарских воинов и посол ханский, царевич Улан, на вороном арабском коне, горделиво стояли там, опершись на копья. Рядом с царевичем был другой знаменитый татарин, мрачный, угрюмый и седой как лунь.

Задыхаясь от жара и усталости, родъехал к ним Белевут, слез с коня, низко преклонился пред послом хана и дружески обратился к князю Димитрию.

— Насилу дождались мы вас, князь Димитрий! — сказал он. — Мы работали здесь обеими руками, и работы было нам довольно!

"Все ли ты сладил, боярин?"

— Все, все. Вам остается только взять Нижний. Дураки думали, что и в самом деле мы хотим помогать их бродяге Симеону — они взворошились, а мы в мутной воде рыбы наловили.

"Мастер своего дела! Князь скажет тебе спасибо. Кроме Белевута, не всякий бы захотел здесь быть рыбаком".

— Ты еще молод, князь Димитрий, и не знаешь, что с твоей храбростью ничего не сделал бы ты против ретивых нижегородцев. Ловко умел я облелеять князя Бориса, нашел друзей, но этого еще было недовольно. Нижний начинен приверженцами Симеона. Бешеная храбрость его кружит головы всем, и удаль нижегородская рада была вступить за него. Да что? Были такие молодцы, что тайно скрывались здесь и крамольничали. Все высмотрено мною — замечены все их удалые головушки! Довольно было попировать с ними десятка два раз и уверить их, что князь Московский идет защитить Симеона, так они и выложили сердца на ладони. От крепкого меду их еще болит у меня голова — легко ли: недели три изо дня в день я принужден был бражничать с ними, да ведь иной раз, что называется, до положенья риз! Зато они вереничкой придут сюда, и мы возьмем их руками.

"Что же делать с ними?"

— А что Бог даст! В Волгу — так в Волгу, а нет — так в Москву их или передать татарам, а лишнее у них обобрать!

Князь Димитрий с презрением отвернулся от него. Белевут горделиво взглянул на Димитрия и проворчал сквозь зубы: "Молодой зверок, а как нос задирает, да мы с тобой переведаемся в Москве!"

Тут приблизился к ним толмач и объявил, что царевич Улан требует к себе бояр московских. Они окружили Улана, сняли шапки и слушали, что он начал говорить им: Улан требовал налицо князя Бориса:

"Вы привели меня на площадь, но я не торговать приехал к вам, а объявить, чтобы князь Нижегородский передал Московскому свое княжество. Приведите его ко мне!"

— Мы ждем его сюда, знаменитый царевич! — отвечал князь Димитрий.

"Да я не хочу ждать! Подите и скажите ему, что непослушание его будет наказано. Посол могущего хана, повелителя Русской земли, не повторяет своего приказа".

Он поправил шапку и гордо подперся рукой. Седой товарищ его хранил угрюмое молчание. "Проклятые гордецы! — проворчал князь Димитрий, крепко сжимая рукоять сабли своей и отвращая гневный взор от ненавистных татар, — когда-то рассчитаемся мы с вами!" * * *

Сюда, в сети врагов, спешили безрассудные приверженцы Симеона. Хитрая уловка московских бояр одним ударом подсекла все опоры Нижнего Новгорода. Измена Румянца и

бояр Борисовых отдавала в их руки беспечного князя Бориса без боя, без сопротивления. Он не знал даже о приближении послов ханских и Московской дружины, быстро мчавшихся из Коломны, где остановился на время князь Московский Василий Дмитриевич, возвращаясь из Орды.

Там, встреченный приветствиями вельмож своих и кликами народа, пришедшего навстречу ему из Москвы и окрестных городов, он обнял радостное семейство свое и известил боярскую думу о решении хана. Изумлялись успеху предприятия, почти неожиданного. Сильное Суздальское княжество подпадало власти Москвы, с областями, даже и не принадлежавшими к Суздалью и Нижнему Новгороду. Думали, однако ж, что Нижний не поддастся Москве без сопротивления. Многие полагали даже поход на Нижний делом необходимым. Между тем и другие известия, привезенные князем из Орды, тревожили бояр. Князь расстался с Тохтамышем на берегах Волги, где Тохтамыш ждал противника страшного и могущего, Тимур, гроза азийских царей, победитель Персии, властитель Вавилона, Бухарии и Грузии, приближался с бесчисленным войском. На Волге должна была решиться вражда, горевшая между двумя страшилищами народов. Опасение Тохтамыша за успех видели из его ласкового приема князю Московскому, из решения, коим он отдавал Москве обширную область своего союзного князя, только что за год перед тем получившего ее в обладание от самого Тохтамыша.

Кто мог узнать, чем кончится битва Тохтамыша с Тимуром? И если Богу угодно было решить участь борьбы в пользу Тимура, Русской земле, может быть, грозило нашествие страшнее Батыева. Москва могла пожалеть тогда даже о падении цепей, наложенных на нее Тохтамышем. Тимур тяготел над Русью, как тяготеет тяжелая неизвестность будущего над головою человека, испытанного прежним бедствием и окруженного угрожающими предвестиями, как гроза, чернеющая вдали на краю небосклона, страшит земледельца, у которого молния недавно попала в поле и сожгла хижину.

В таких обстоятельствах нельзя было отвести от Москвы войск, собиравшихся отовсюду. Надобно было встретить общую опасность, соединявшую всех под знамена Москвы. Опытные бояре, окружавшие юного князя Московского, не хотели соблазнять Руси междоусобием в то время, когда и небесные знамена предвещали ужасы и бедствия. Каждый вечер, каждое утро кровавая заря загоралась на небесах. Не хотели упускать случая присоединить к Москве области богатые, многолюдные, сильные, но не могли решиться на рать с Нижним Новгородом. Всего более страшил Москву Симеон, смелый, отважный сын бывшего князя Нижегородского.

Бояре помнили дела Симеона. Наследство княжества Суздальского было давним предметом споров между Дмитрием Константиновичем и братом его Борисом. Дмитрий, добрый, но слабый, еще при жизни своей вверил правление сыновьям. Он был в милости у хана Агиса. Когда Андрей, князь Нижегородский, скончался, Дмитрий, княживший в Суздале, объявил права свои на Нижний, но Борис, брат его — князь Городецкий, захватил престол Нижегородский. Дмитрий прибегнул к помощи Москвы. Увидели зрелище невиданное: из Москвы не воинство явилось, не рать сильная пришла — явился смиренный пустынножитель Сергей, муж, святой еще при жизни. Он судил двух братьев и осудил Бориса. Неповиновение осужденного страшно наказано было святым человеком: Сергей затворил храмы Божии в Нижнем Новгороде и грозил проклятием. Нижегородцы со слезами молили его простить их. Борис затрепетал, уступил, и благословение пустынножителя возвело Дмитрия на престол. Смерть Дмитрия через несколько лет возродила новые распри. Симеон от смертного одра отцовского послан был в Орду требовать Нижнего как своего наследия. Туда явился и Борис. Золото покорило ему сердца вельмож ханских, но Симеон не смирился, бежал из Орды в Москву, и Дмитрий Иоаннович, тогда еще княживший, подвигся на защиту племянника. Борис укрылся в Городце, наследном княжестве своем, уступил Нижний Симеону, но снова явился в Орде, полгода кланялся хану, обещал дань и покорность — и выкланял Нижний. Напрасно Симеон спешил в Орду из Москвы, где посещал вдову, сестру свою княгиню

Евдокию, оплакивавшую преждевременную смерть героя Донского, — его ожидали цепи. Борис тверже прежнего сел на престол Нижегородский. Но непродолжительно было торжество вероломного хищника. Двор ханов ордынских представлял тогда позорище смятений и неурядиц. Все покупалось золотом. Веры и верности не знали. По призыву хана юный князь Московский, сын и преемник Димитрия Донского, явился в Орде. Тохтамыш, беспокоимый слухом о Тимуре, хотел уладить мир с Москвою, уже сильною среди других русских княжеств. Бояре юного князя Московского, несмотря на бедственные предвестия новых ужасов отчины, не хотели оставить без пользы милостивого приема ханского: они просили Нижнего и Суздаля. Тохтамыш разодрал грамоту Борисову и отдал Нижний Москве. В число статей договора включен был вечный плен Симеона в Орде. Но у Симеона были друзья, и он сгиб и пропал из Орды. Мы видели, где очутился он.

Если бы московские бояре не были дальновидны и не отправили заранее в Нижний Белевута, боярина московского, хитрого и опытного в делах, покорение Нижнего было бы невозможно. Мы видели, как успел Белевут усыпить князя Бориса, умел найти изменников в окружавших его вельможах и между тем узнал тайны сообщников Симеона. Сношения Белевута с Москвою были непрерывны, и когда московские бояре думали и не знали, на что решиться, известия от Белевута показали им, что хитрость уже успела сделать, чего недоумевала их мудрость. Белевут просил только поспешнее присылать дружину и послов ханских, уверяя, что Нижний покорится. Дружина и послы отправились. Он уговорил между тем сообщников Симеона возмутиться в самый день приезда их. В смятении легко можно было управиться со всеми.

И тогда, если бы князь Борис был деятельнее, если бы Симеон успел приехать в Нижний днем ранее, — ничто не помогло бы Белевуту. Один день... Но теперь все было потеряно. Князь Борис, встревоженный волнением сообщников Симеона, не слушал никаких убеждений его. Разгневанный смятением, он укорял его в измене и велел наложить на него цепи, а Румянцу с дружиною разогнать сообщников Симеона, пока сам отправлялся принимать ханских послов на площади у Спасской церкви.

Несчастный князь! Едва явился он туда, посол ханский объявил его княжество областью Москвы и бросил перед ним грамоты Тохтамыша, коими Борис возведен был на княжество. Подле той темницы, куда по его велению повержен был Симеон, посадили и его, обремененного оковами. Бояре его развезли по разным областям московским. Буйные сообщники Симеона встречены были пищальным огнем Московской дружины. Невиданное дотоле действие губительного оружия ужаснуло их — все разбежались, и на другой день в Нижнем Новгороде все было тихо и спокойно. Три дня угощал Белевут царевича Улана и татар в княжеском дворце. Пируя, они забыли даже закон Мугаммеда, пили вино из золотых кубков княжеских и прятали их к себе за пазуху, на память угощения, как всегда велось у татарских послов. Белевут проводил их за город, низко поклонился им и поехал в Москву поздравить своего юного князя князем Нижегородским и Суздальским. С ним поехали избранные люди нижегородские.

Кто были сии избранные? Где были тогда Димитрий, пламенный юноша, всем жертвовавший своему князю, и Замятня, неосторожный, но верный дружбе и усердию? Где был Некомат, сребролюбивый, бездушный скряга? Что ожидало Белевута при дворе князя Московского? * *

Там, где вьется струистая Сетунь и где воды Раменки пробираются по каменистому дну в Москву-реку, рос в старое время густой лес. Простираясь на Воробьевы горы, в другую сторону он выходил далеко на Дорогомилловскую дорогу. По Сетуни и около нее в лесу рассеяны были хижинки села Голенищева, принадлежавшего Московскому митрополиту. Среди них белелась церковь Трех Святителей. Подле нее был дом митрополита. Старец Киприан, испытанный скорбями и опытом жизни, часто удалялся сюда, в место "безмятежно, безмолвно и спокойно от всякого смущения". Здесь иногда долго вечером светилась

лампадка в его келии, и он, умерший настоящему, жил в прошедшем. Окруженный ветшаными книгами, он вникал в сокровенный смысл писаний святых отцов, разбирал премудрость эллинов и по следам "вещателей веков прошедших" описывал деяния князей русских, жития святых и добропобедных мучеников или прелагал эллинские книги на язык русский, который сделался ему родным в продолжение долговременного пастырства его в Москве и Киеве.

Еще не подавали огня, и вечерняя заря тускло светила в окна митрополитской кельи. Киприан сидел за большим столом. Вокруг него лежало множество пергаментных списков и бумажных свертков. Против него сидел благообразный инок. Они только что кончили чтение рукописи. Жар, оживлявший инока, еще горел в очах его, устремленных на святителя — подобно яркой лампадке, теплящейся над гробом, сияли взоры его, хотя бледное лицо показывало отречение и умертвие его всему земному. Долго и безмолвно внимал ему Киприан и потом сказал тихо:

"Благ подвиг твой, инок Димитрий, и усладительна беседа твоя! Изучая премудрость премудрых, ты не скрываешь светильника под спудом, ставишь его на свещнице, да светит всем, сущим в храмине! Ты передаешь нам вещания велемудрого Георгия Писидийского и, напутствуя души христиан к созерцанию дел Божиих, будешь благословен благодарностию соотчичей, услажденных трудом твоим!"

— Владыко! — смиренно отвечал инок, — если труд мой будет награжден хвалою мира, я отнесу хвалу сию на алтарь смирения моего пред волею Божию, внушившею мне мысль передать на родном языке книги премудрого Георгия. Рано отрекся я от мира и ничего не требую от сильных земли. Созерцая с святым Георгием творение Бога, хваля его устами смиренными, я награжден, с избытком и за бдения мои, и за труд малый, но усердный!

"Так, ты прав! Мир не для того, кто вкусил сладость беседы мудрых мужей, умерших плотию, но живых духом в творениях бессмертных — не для того он, кто познал суету и тщету мира и во прахе земли витает мыслью на небесах! Тяжка земная жизнь человеку праведному, тяжок мир человеку, бегущему суеты! Димитрий — ты блажен, что мир не преследует тебя в тихой келии твоей, и суеты его не врываются к тебе сквозь монастырские затворы! Сколько раз вспоминал я о келии Хиландартской, где протекла моя юность, где молитва и труд готовили жертву Богу, еще не оскверненную суетами, и где в тишине дух мой возносился к Вездесущему или беседовал с мудрыми и святыми мужами!"

— Но, владыко, судьба вела тебя с берегов моря Эгейского быть пастырем стада великого!

"Не ропщу на волю Его и благословляю перст Божий, указавший мне путь к полунощи! Но сколько страданий претерпел я среди трудов о пастве, скольких бедствий был свидетелем, сколько раз падал я, искушаемый наваждением сует! И ныне, верь мне — только здесь нахожу я покой, только сюда удаленный внемлю я гласу души моей, как елень на источники водные, стремящейся в небесную отчизну свою! Там, в Москве, суета поедает дни мои — время бытия моего гибнет в смущении, и вечность задвигается миром малым и суетным! Блеск и почести — я бегу от них, они гонятся за мной и влекут меня с собою! Вчера, возвратясь сюда, в уединение мое, после беседы князей и бояр, где уныние и грусть о судьбе Руси терзали нас скорбью, послушай, что написал я..."

Киприан выдвинул лист бумаги из других, лежавших на столе, и прочитал: "Все человеческое множество, общее естество человека оплачем, злосчастно богатеющее. Земля — смешение наше, земля покрывает нас, и земля — восстание наше. О дивство! Все шествуем мы от тьмы во свет, от света во тьму, от чрева матери с плачем в мир, из мира сего с плачем в гроб: начало и конец жизни — плач. Сон, тень, мечтание — красота житейская! Многоплетенное житие, как цвет увядает, как тень преходит".

Когда Киприан кончил чтение и безмолвно преклонил голову в смутной думе, кто-то постучался в дверь келии и проговорил тихо: "Господи Иисусе Христе, сыне Божий, помилуй нас!"

— Аминь! — отвечал Киприан.

Дверь отворилась. Князь Василий Дмитриевич вошел первый, подошел к благословению митрополита и приветствовал его. Инок Дмитрий робко встал, видя своего государя и повелителя. Василий, едва вступивший в юношеский возраст, был не величественного, но важного и сурового вида. Морщины уже видны были на челе его и показывали в нем ум твердый, нрав неуступчивый. Богатый бархатный терлик и шитый шелками охабень были на него надеты, и сабля его блистала дорогими камнями. За ним шел старец, высокого роста, седой, но еще не согбенный летами: то был князь Владимир Андреевич Храбрый. Бояре следовали за ним. Между ними был и толстый Белевут, Инок Дмитрий низко преклонился перед всеми и вышел.

Задумчиво остановился он в ближней комнате, где келейник митрополита в бездействии дремал, сидя на лавке и сложа руки. Потом вышел в обширные сени, где широкие стеклянные оконницы были растворены и крашенные скамейки показывали, что митрополит здесь сидит иногда, наслаждаясь прохладой вечера. Долго смотрел Дмитрий в растворенное окно, как тени вечера ложились на окрестные леса и горы, как обширная Москва вдалеке засвечивалась огнями и как Москва-река извивалась вблизи полукружием около Воробьевых гор. Перебирая четки, повторял он: "Дивны дела твоя, Господи, яко вся премудростию сотворил еси!" Вдруг вошел келейник митрополита и сказал, что митрополит требует его к себе.

Не понимая, зачем могли призывать его в совет князей и бояр, инок шел робко. Подходя к келии митрополита, он услышал многие голоса — заметно было, что говорят с жаром. Дмитрий вошел в келию. На столе горели две свечи. Князь Василий и князь Владимир сидели подле Киприана. Бояре стояли в отдалении. Разговор прекратился.

— Князь! — сказал Киприан, — инок сей мудр и благочестен. Ты можешь верить ему все тайны. Он знает греческий язык и прочитает нам послание.

Князь молча вручил Дмитрию свиток.

То было письмо грека, издавна жившего при дворе Ордынских ханов. Он был некогда послан из Греции еще хану Муруту, и звание лекаря доставило ему милость и любовь всех после Мурута ханов Золотой Орды. Дмитрий просмотрел письмо, и руки его задрожали. Нетерпеливое ожидание видно было во взорах князей и бояр. Трепещущим голосом начал он читать и переводить:

"Как единоговерного государя и благодетеля моего, спешу уведомить тебя, благоверный князь, что судьба Золотой Орды решена. Тимур-хан победил. Тохтамыш разбит, бежал и скитается в твоих, государь, или князя Витовта областях. Но горе нам, горе твоей Руси, горе благоверной Византии! Огонь и меч Тимура сравняли ханские терема с землею — уже нет ханского Сарая; погребло великое, погребло и малое: и мое убогое стяжание расхищено. Не забудь, государь, меня, твоего доброхота и радушника! Пишу к тебе, государю, среди развалин, потоков крови и груд смердящих трупов. Тьмы тем татар Тимурхановых, как саранча, хлынули на берега Волги, и ни возраст, ни пол, ни род, ни сан — ничто не избегло гибели, посрамления и неволи! Железа недостает на цепи, и мечи воинов проржавели от запекающейся на них крови. Уведомляю тебя, государь, что Тимур-хан есть один из бичей, посылаемых на человека гневом Божиим, пред коими исчезают и глад и хлад, равняются горы и высыхают реки, отверзая им пути. Страна есть некая, между царством Попа Ивана и Скифиию Великого, именуемая Арарь, и в ней родился, не от царя и не от старейшины,

Тимур, свирепый, лютый, кровожадный. Говорят, что три звезды упали на небе, когда он родился, и гром трижды загремел зимою. Он был разбойник. Сперва грабил стада, но, пойманный пастырями, был ими зельно бит. Они изломали ему ногу. Он же перековал ногу железом, и от того наречен Темир-Аксак, иначе же Тамерлан, иже переводится Темир-хромец. И завоевав всю Арарь с немногими разбойниками, потек он на другие страны, и от Синия Орды исшел в Шамахию и Персиду, где преклонились пред ним цари и князи и военачальники, богу гордым и злобным на время попускающе. Тимур хочет перейти пучины Окияна и победить весь свет, и взять Индию и Амазоны и Макарийские блаженные острова; и уже приял он Ассирию и Вавилонское царство и Севастию, и Армению и все тамошние орды попленил, и се имена их: Хорусани, Голустане, Ширазы, Испаган, Орнач, Гинян, Сиз, Шибрен, Саваз, Арзанум, Тефлис, Бакаты и ныне Сарай Великий и Чегадай, и Тавризы и Горсустани, Обезы и Гурзи. Был он и в Охтее, и приял Шамахию, и Китай, и Крым. Шел он на Орду безвестными степями; шесть месяцев не видал ничего, кроме неба над головою и песка под ногами; за полгода вперед сеяли просо для прокормления его войск. И сам Тимур яростен, злобен, пьет кровь и питается — страшно изречь — человеческою плотию! И слыша все сии вести, грозные и страшные, по вся дни обносящиеся, ужасом все исполнились и все страхом великим и печалию пребывают. Грозится Тимур достигнуть и второго Рима, великолепной Византии, и обтечь всю землю. И слышу, что царь наш Мануил Великий, не забывший и прежние богопопустные скорби, печалуется единому Богу и на Него единого возлагает упование..."

Здесь слезы заструились из глаз Димитрия, и бумага выпала из рук его. Все безмолвствовали.

— Владыко! что нам предпринять? — спросил Василий, не изменяя своего угрюмого вида. — Мы ждали битвы Тохтамыша — она решила гибель его... Теперь настала чреда Руси. Темир-Аксак идет на нас.

"Князь! На Бога возложи печаль твою и молись! Тот, кто источил воду из камня жезлом Моисея, кто рукою отрока Иесеева поразил Голиафа, не попустит тебе и православию погибнуть!"

— Но должен ли я безмолвный ожидать грядущего бедствия? Хочу стать с оружием против врагов церкви и отчизны моей, хочу поставить щит свой против злого хищника!

"Послушай совета моего, юный князь, меня, младшего по чину, но старшего летами, — сказал князь Владимир. — Так некогда мы думали с отцом твоим и шли бороться против безбожного Мамаю. Какая великая година чести была Русской земле, когда мы в полях Куликовских пели победную песню на костях врагов! Богу угодно было моей руке предоставить удар, от коего пал Мамай и рассыпалась гордыня его. Но едва прошло два года, и Тохтамыш испепелил Москву. Суетны надежды человеческие! Нежди сам на беду и жди, пока не придет она!"

— Должно ли мне сказать дружинам, отсюда ко мне идущим: идите вспять — я не смею вести вас на битву? Должно ли самим себя оковать, прийти к Темир-Аксаку и раболепно преклонить пред ним колени?

"Нет! будь на коне, но не ратуй. Стереги Москву и молись о спасении. Тщетно оружие там, где гнев Божий ведет грозу и гибель!"

— Так, князь, таково и мое мнение, — сказал Киприан. — Бог, без чьей власти не погибнет и влас с главы твоей, защита вернее воинства.

"Владыко! ты не слышишь здесь воплей народа, не видишь горестных жен, бродящих с безутешными детьми, старцев, отчаянных на краю гроба! Нет! Я пойду отсюда, пока плач жен и вопли детей не погубили моей силы душевной! Прошу тебя, князь Владимир, быть в Москве и защищать ее, и если мы падем в неравной битве — твои лета и твое мужество порукой за

храбрость малой силы, какую оставлю тебе".

— Князь — отвечал Владимир, — очисти же себя от греха, прекрати усобицу, губящую Русскую землю — умири совесть твою и не отринь совета старца — отдай Нижний Симеону!

"Нет — тому не бывать! Вспомни, князь Владимир, что я запретил даже говорить мне о Симеоне!"

— Князь! Вспомни о бедствии, грозящем России, вспомни, что в день суда Божия горе будет человеку, алчущему корысти! Коварство и измена предали в руки твои деда твоего и дядей твоих, но горе зиждущему дом свой неправдою! Отдай Симеону его наследие!

"Не говорите мне ни ты, владыко, ни ты, князь Владимир, — я не отдам Нижнего!"

— Страшись и блюдись, да не постигнет тебя бедствие, которое ты готовишь другим!

"Нет! Не на того падет гнев Божий, кто хочет собрать воедино рассыпанное и совокупить разделенное! Не ты ли первый, князь Владимир, уступил мне право первородства? Благо тебе, но Симеон и Борис противятся мне — они противники власти, данной мне от Бога, а не законные наследники, и меч правосудия тяготеет над главами их! Так я думаю, так должны все думать". * * *

— Молод, а умен, — сказал Белевут, входя в светлицу своего боярского дома и сбрасывая свой боярский ферезь, — молод, а умен князь наш! Никто не уговорит его выпустить из рук; что однажды ему попало. Поздравляй меня, Некомат, наместником Владимира и Суздаля! — прибавил он, обращаясь в Некомату, который дожидался его возвращения и низко кланялся ему, стоя подле дверей.

— Садись, — сказал Белевут, отодвигая дубовый стол от лавки, — садись и поговорим о деле.

Некомат сел и придвинулся к боярину,

— Слушай: князь наш одобрил все, что я сделал. Завтра объявят торжественно о присоединении Нижнего к Москве, и тебя и Замятию допустят к князю как избранных посланников нижегородских. Что за шубы подарят вам — загляденье!

"Печорских аль сибирских соболей, боярин?" — спросил Некомат, усмехаясь. Белевут захохотал.

— Признайся, гость Некомат, что Белевут помнит дружбу. Как было оплошал ты, вступившись за Симеона! Теперь все у тебя цело, все сохранно...

"Слепота, батюшка боярин, слепота окаянная пришла на меня! Тут недобро было — демонское наваждение влекло меня, прости Господи!" — Некомат плюнул на обе стороны и перекрестился.

— То-то слепота, старая ты голова! Надобно слушать добрых людей, кто тебе впрямь добра желает! Теперь отпустят тебя и Замятню с честью и почестью.

"И Замятню, боярин?"

— Да, ты знаешь, какую услугу оказал он нам в тогдашнем переполохе: он указал место, где лежало оружие, серебро, и золото сообщников Симеона, выдал нам все, и сам не только не явился на площадь, да и других отводил...

"Боюсь что-то я за его верность, боярин! Если уж он передался вам без кривды, то сам бог

передает в руки князю Василию Дмитриевичу сердце врагов его".

— А я так очень хорошо понимаю Замятню, и знаешь ли, что вот этакой-то душе всего скорее поверяйся — глуп или, что называется, добр! Ты да я, мы летим туда, куда нам хочется, а его просто ветер уносит, дует, а к тому же Замятня богат, как Аред!

"Ну, Бог знает, боярин, — животы смерть окажет!" — сказал Некомат с усмешкою.

— Полно, Некомат! Он и не заикнулся, когда я попросил у него... на княжеские расходы... чистым золотцем отсчитал, а теперь гуляет себе по Москве, да и только! Видно, что за душой у него ничего не таится. Нет! я верю Замятне — да, это дело сторона, а поговорим о нашем другом деле. Я тебе сказывал, что у тебя есть товар, а у меня есть купец, которому он приглянулся. Согласен ты, что ль?

"Боярин! хоть сейчас по рукам. Сын твой куда молодчик, а моя Ксения — девка на возрасте".

— Отлагаю все до приезда князя Василия Дмитриевича в Нижний. Видишь: завтра вас примут и дадут вам облобызать княжескую ручку, а там поезжайте и готовьте ему прием поласковее. Князь хочет испить вашей волжской водицы и полюбоваться на Нижний. Я приеду вперед. Такая ведь теперь у нас завроха, что и Господи упаси — тут Витовт, там Тверской князь, а тут еще черный ворон налетает на Русь, и бог весть откуда! Татары дрались, дрались между собой, а теперь вон, слышишь, идут сюда... Бабы да старики воют, еще ничего не видя!

"А что же, боярин, ты думаешь?"

— Что думать! Живи не как хочется, а как Бог велит! Разумеется, у кого есть запас, тому и с татарами хорошо. Наш боярин Кошка, смотри, как ладит с ними! И то правду сказать — голова умная!

Так беседовали между собой Некомат и Белевут в московском тереме боярина.

Жребий Нижнего Новгорода был решен. Ни упреки матери, ни слова князя Владимира, ни советы митрополита Киприана — ничто не могло склонить князя Василия Дмитриевича на милость к Симеону и роду его. Участь князей нижегородских оставалась еще неизвестною. Князь Борис томился в темницах суздальских. Симеон и семейство его были заключены в темницах нижегородских. Бояре нижегородские — иные предались князю Московскому, другие, непокорные, разосланы были в дальние города. О многих — ничего не было слышно...

Зима прошла в совершенной тишине. Войска русские собрались около Коломны, отаборились там и не двигались с места. Князь Василий Дмитриевич был в Москве, кипевшей воинскою деятельностью. Спешили оканчивать вооружение войск, собирали деньги, ожидали вестей. Слухи из Орды замолкли, но то была зловещая тишина, подобная той, какую чувствует страдалец, удрученный недугом, перед последним страданием смерти — она не успокаивает его; холодный пот, костенеющие руки и ноги, темнеющий взор говорят об его разрушении — он жив, но на него уже веет могилую — он предчувствует то близкое мгновение, которого содргаются все живущее!

Тимур остановился на Ахтубе. Полчища его не двигались на Россию. Но так и за полтора столетия, когда при Калке погибла надежда на спасение России, несколько лет прошло, пока Батый ринулся в пределы русские и потек огненною рекою.

Церкви московские были наполнены народом. День и ночь слышались молитвы и воздыхания молящихся.

А страсти не умолкали и на краю бездны! Сердце человека! Содрогнется тот дерзкий, кто осмелится заглянуть в тебя — содрогнется и побежит от самых обольстительных надежд и мечтаний своих, как бежит, содрогаясь, суеверный юноша при взгляде на гроб своей подруги, на ее лицо, обезображенное смертью и тлением! * * *

Летом Белевут приехал в Нижний Новгород. С ним была многочисленная свита. Князь Димитрий Александрович Всеволож с дружиною московскою выступил навстречу Московского князя. В Нижнем готовились встретить его торжественно. Жители были в больших хлопотах: вынимали и готовили праздничные платья, чистили улицы, даже мыли дома снаружи. Белевут беспрестанно окружен был воеводами, просителями, искателями милостей, приезжими из нижегородских городов. Бояре, гости, почетные люди; нижегородские: толпились у него в светлице; обеды превращались в пиры, и часто старики забывали идти к заутрени после бессонной до белого света ночи, проведенной в гульбе у Белевута или какого-нибудь богатого гостя. Но никто не отличался таким разгульным весельем, как Замятня. Золото и серебро блистали на столах его. Две бочки малвазии выписал он нарочно из Москвы, и часто, среди гульбы и песен, горстями кидал за окошко серебряные деньги и хохотал, смотря, как дрались за них мальчишки и нищие. Добрые люди говорили, что у Замятни пируют на поминках Суздальского княжества, да кто стал бы их слушать, каких-то добрых людей, которые всегда ворчат и на которых угодить трудно!

В веселом разгулье прошло две, три недели. Однажды Замятня зазвал к себе на обед всех бояр и всех богатых и почетных людей. Никогда не бывало у него так весело. Столы трещали под кушаньями. Мед, пиво, вино лились реками. Многие из гостей со скамеек очутились уже под скамейками. В ином углу пели псалмы; в другом заливались в гулевых песнях. Настал вечер. Дом Замятни, ярко освещенный, казался светлым фонарем, когда туманная, темная ночь облегла город и окрестности и в домах погасли последние огоньки. Все улеглось и уснуло, кроме любопытных, которыми наполнен был дом и двор Замятни. Одни из них пили, что подносили им, потому что велено было всех угощать; иные громоздились к окошкам и, держась за ставни и колоды, смотрели, как пируют гости и бояре, пока другие зрители, подмостившись, сталкивали первых, а третьи любовались конями бояр и гостей, богато убранными и привязанными рядом у забора к железным кольцам.

И теперь еще найдутся в собраниях старинных чарок русские чарки-свистуны. У них не было поддона, так что нельзя было поставить такую чарку, а надобно было опрокинуть ее или положить боком, и потому такими чарками подносили гостям, когда хотели положить своих гостей — верх славы и гостеприимства хозяина! Вместо поддона на конце чарки приделывали свисток: гость обязан был сперва выпить, а потом свистнуть. Старики наша бывали замысловатее нас на угощение.

Такого-то свистуна огромной величины поднес Замятня Белевуту. Говорили, что Белевута нельзя было сподать, но и у него бывало, однако ж, сердце на языке, когда успевали заставить его просвистать раза три-четыре, и когда уже петухи возвещали час полуночи.

— Чокнемся, боярин! — вскричал Замятня, протягивая другого свистуна, — чокнемся и обнимемся еще раз!

"Будет, гость Замятня! У меня и так скоро станет двоиться в глазах", — отвечал Белевут, смеясь и протягивая руку к свече, чтобы увериться: не исполняются ли уже слова его и не по десяти ли пальцев у него на каждой руке?

— Э! была не была! Что за счет между русскими! Слушай: здоровье того, кто пьет да не оглядывается! Разом!

"Давай! Если за нами черед, чего мешкать!"

Они разом выпили, свистнули и бросили чары на серебряный поднос, который держал перед

ними один из кравчих.

— Подавай кругом! — вскричал Замятня.

Кравчий повиновался.

— Эх! ты, боярин! Вот уж люблю тебя за то, что молодец — и дело делать, и с другом выпить! Так по-нашему! Все кричат, что Замятня — гуляка, пустая башка! Врут; дураки: я в тебя, боярин, — вот что ни смотрю, точно братья родные...

"Ты диво малый! — вскричал Белевут, обнимая Замятию, — точный москвич, а не нижегородец!"

— Что тебе попритчилось, что ты сначала-то меня невлюбил! Ведь я был все тот же?

"Нет, не тот же, а теперь — чудо, не человек... прежде ты глядел не так — немножко кривил голову... Ха, ха, ха!"

— А ты ее повернул мне куда следует?

"Сама повернулась!"

— То-то же, сама. Видишь, не туда ветер дул! Что ты льнешь к таким, что исподлобья-то смотрят? Верь тому, кто прямо в глаза глядит. Вот, посмотри-ка: здесь кого-то недостает...

"Кого? — сказал Белевут, смеясь. — Ведь не тринадцать их осталось — чего бояться, если кто и уплелся!"

— Надо знать кто! Вот, примером, сказать: Некомат где? Вот там сидел он и морщился!

"Так не лежит ли он где-нибудь..."

— Нет! думаю, он бодро ходит на ногах: не тот он человек, чтобы свалился. О, не люблю я этаких народов...

"Знаешь ли, Замятня, что и мне он не больно любится что-то? Я спас его от гибели: он не то что ты; у него все проказы Симеоновы были скрыты. Он и на Спасскую площадь шел с симеоновцами, а я все-таки умел его выгородить!"

— А он спустил тебя на посулах?

"Не то, не такого олуха царя небесного нашел он, да что-то не ладится у меня с ним никак — чловно козьи рога, в мех не идет".

— Скоро ли у вас свадьба?

"Скоро ли свадьба? Приехавши сюда, я и сына привез. В Москве Некомат подтакивал, а здесь отнекивается. Видишь, говорит, дочка не хочет, дочка плачет, а просто жаль с сундуками расстаться — ведь богат, как немногие бояре московские..."

— Полно, оттого ли, боярин? Богат-то он богат, но, право, я что-то куда как, сомневаюсь... Вот я — был, грех... стоял — за Симеона (тихонько прибавил Замятня), а как пошло не туда, так я уж напрямик твой! Тогда кричал я, за кого стою, и теперь кричу: мне что за дело! Думай обо мне кому что угодно! А этот Кащей все молчит, и кто его знает, что у него на уме!

"Я знаю", — сказал Белевут, коварно улыбаясь.

— Ой ли? Хочешь о большом медведе моем, моей любимой стопе, что вон там стоит на

полке?

"Полно шутить, Замятня — теперь уже все старое кончено..."

— Как не так! Ты думаешь, траву скошил, так и не вырастет — а коренья-то выкопал ли? Чего тут далеко ходить... Что ты думаешь: все уж молодцы у вас в руках?

"Все. Хочешь покажу тебе роспись, кто и где теперь?"

— Убирайся с росписью! Я всех их прежде тебя знал, да что ни лучшего-то, того-то у вас и нет... Где боярин Симеонов Димитрий?

"Где? У беса в когтях! Только его одного и недостает".

— Этак он ошутил: только его! Да знаешь ли, что этот один стоит сотни?

"Ну, где ж его взять! Пропал, как в камский мох провалился!"

— Его нигде не сыскали?

"Уж все мышьи норки перерыли!"

— А Некомат тянет ваше сватовство?!

"Ну, что же?"

— Князь Роман жену терял,

Жену терял, в куски рубил,

В куски рубил, в реку бросал,

Во ту ли реку, во Смородину... —

так запел Замятня. Хор гостей подтянул ему с криком и смехом.

"Что ж ты хотел сказать? — спросил нетерпеливо Белевут.

— Постой, боярин! Пусть они распюются погромче — я нарочно затянул, чтобы нас не слышали. Слышал ли ты, что у Некомата в бане появился домовый, стучит, воет, кричит в полночь?

"Бабы сказки!"

— Мужские сплетни, скажи лучше, я... хм! — я видел домового!..

"Ты?"

— Да, я. Ну, как ты думаешь: каков собой этот домовый дедушка? Кто он? Черт, что ли? — Замятня плюнул.

"Говори, говори!" — вскричал Белевут. Глаза его засверкали.

— Постой — дай одуматься — все порядком будет! Однажды ночью вздумалось мне подсмотреть: что там за чудеса такие творятся и правда ли это — и вот и пошел я

подкараулить — вот и идет Некомат, идет дочь его — и домовый идет... Месяц светил ярко... Провались я на месте, если это был не боярин Димитрий, переодетый бесом! А ведь оттуда недалеко и Егорьевский терем, где княгиня Симеонова, и тюрьма, где... Симеон!

"Если ты лжешь, Замятня..." — вскричал Белевут и взялся за саблю.

— Вот: лжешь! Послушай: теперь полночь... Ну, хочешь ли, пойдем потихоньку — нас не заметят! Авось мы встретим домового!

Недоверчивость, суеверный страх, досада, смех сменялись на лице Белевута.

— У тебя сабля, а я с голыми руками! — сказал Замятня. — На домового крест, а ведь ты не веришь, что Некомат думает что-нибудь худое!

"Нет, не верю... не верю... Пойдем!" * * *

Голова Белевута была разгорячена. Тихо вывел его Замятня в заднюю дверь, засветил фонарь и повел в сад свой, говоря, что огородами пройти ближе. Ночь была темная. Осенняя мгла наполняла воздух. Все вокруг было тихо. Лишь из дома Замятни слышны были клики и песни. Белевут шел за Замятнею. Они перешли через заднюю улицу, в переулок, и ни одна душа человеческая не встретила их. Только собаки лаяли сквозь подворотни. Скоро пришли они к задним Некоматова двора. Маленькая калитка была открыта. Они входят в обширный сад Некоматова, идут тихо, осторожно. Ночной сторож крепко спит на скамейке. Вот вдалеке блеснул огонь. Они не ошибаются — идет человек с фонарем. Замятня задувает свой фонарь. Он и Белевут прячутся за деревья — человек с фонарем подходит — это Некомат. Он идет озираясь, оглядываясь, видит спящего сторожа, дрожит, поднимает палку и останавливается. "Господи! помилуй! Не узнали ль? Если кто-нибудь подметил... Он, верно, в заговоре, проклятый пьяница... Если узнали! Горе мне, горе!" Некомат ворчал еще что-то про себя, пошел по дорожке к калитке и пропал вдали.

— Что, боярин?

"Ничего, — отвечал Белевут, — улыбаясь принужденно. — Ведь это не домовый, и что ж тут за беда, если Некомат бродит ночью?"

— Пойдем далее, а позволь, однако ж, тебя спросить: куда и зачем бы этак, например, Некомату бродить, с твоего позволения?

Белевут молчал. Опять прошли они мимо сторожа и пустились в самую отдаленную сторону сада, где построена была у Некомата черная баня в чаще вишневых деревьев.

Низкое строение стояло уединенно и было покрыто дерном. Одно только окошечко было в нем вровень с землею. Огонек светил из окошечка.

"Да воскреснет Бог и расточатся врази его!" — заговорил Белевут, крестясь.

— Вот и трусил, боярин! Что, веришь ли мне? Пойдем ближе!

Едва подвигался Белевут. Страх отнимал у него силы. Они подходят к окошечку — ложатся на землю. Внутри горит свечка. При мерцании ее видно, что на лавке сидит Ксения, дочь Некомата. Она плачет. Подле нее человек в каком-то странном наряде — свет падает ему в лицо — Замятня, не ошибся: он, Димитрий, боярин Симеона!

Как бешеный, вскочил Белевут. Замятня удерживает его — напрасно! Белевут вырывается, бежит к дверям бани, спотыкается, падает, хочет встать, чувствует, что его держат крепко, и с изумлением видит, что его обхватил Замятня. Он борется с Белевутом и кричит неизвестные слова. Огонь в бане погас. Дверь растворяется. Димитрий поспешно выходит и несет на руках

Ксению, бесчувственную...

"Она умерла! Она умерла! Господи Боже мой!" — говорит он отчаянным голосом.

— Сюда, помоги! — кричал Замятня, зажимая рот, Белевуту и опутывая его своим кушаком. Димитрий оставляет Ксению на земле, Они с Замятнею вяжут Белевута, тащат его в баню, бросают туда, запирают двери и заставляют их запором.

— Пусть кричит себе там, сколько хочет! — сказал Замятня, оправляя платье. — Димитрий! Брат! Друг!

Они крепко обнялись.

— Доволен ли ты мною? — спросил Замятня.

"Скорее усомнился бы я в царстве небесном, а не в тебе..."

— Что: дурак я аль нет? Не обманул я самых хитрых, самых сильных людей, Москву и Нижний, татар и русских? Жизни моей недостает отмотить все лжи, все обманы, какие принял я в это время на свою душу — и как легко плутовать, только захоти! Гораздо легче, нежели сделать что-нибудь доброе, а еще хвастают, дураки!

"Замятня, друг и брат! Мир не знает души твоей, да он и не стоит того... Награда твоя не здесь!.."

— Да и чем наградили бы меня здесь за все, что я делал для правого дела? Деньгами? Я бросал их горстями за окошко! Почестями? Какие почести тому, кто о жизни своей думает столько же, сколько об изношенной шапке! Димитрий! дай Бог тебе час добрый! Ступай прямо к Симеону — там все уже готово, а я побегу к гостям моим — у меня все собраны, и я никого не выпущу до света...

"Замятня! увидимся ли мы еще в здешнем свете?"

— Бог знает, друг Димитрий... Ну! все равно — прощай!

"Прощай!.."

Еще раз крепко обнялись они, и Димитрий чувствовал, как горячие слезы Замятни измочили ему лицо. Димитрий был точно как окаменелый. Он отшатнулся от Замятни и как будто тогда только вспомнил о Ксении, без чувств лежавшей на земле. Он наклонился к ней; взял ее холодную руку.

"Умерла? — сказал он. — Прости! И я ведь не жилец на земле! Тебе не радостна была жизнь — я погубил тебя, а мне разве лучше твоего было?.. Но, нет, нет! Она жива!.. Замятня, друг мой! Ксения жива! Ради Бога, пособи мне..."

— Чем же, брат? — отвечал Замятня, сложа руки и горестно смотря на несчастную Ксению и Димитрия, который, стоя на коленях, сжимал в руках ее руки, — Если Бог даст Симеону возвратиться с честью и на счастье, будете еще жить и довольны, и веселы...

"Димитрий, супруг мой, милый друг! — вскричала Ксения, тихо поднявшись с земли и охватив Димитрия обеими руками. — Ты идешь? Надолго? Когда возвратишься ты? Скоро ли?"

— Скоро, милый друг мой, скоро и навсегда! Иди домой — успокойся...

"Домой! И мне должно скрываться, таиться перед отцом моим, глотать слезы мои и не видеть тебя..."

— Димитрий! Время дорого! — сказал Замятня.

"Иду! Еще на часок..."

— Вспомни, что от тебя зависит участь Симеона.

"Да, да... Мог ли я забыть", — и он исчез.

Тут крик Белевута глухо отдался в бане. Ксения опомнилась, закричала пронзительно и быстро побежала в свой терем. Замятня остановился на минуту и слушал. Все умолкло. Холодный ветер шевелил листья деревьев. Невольный какой-то трепет объял его, и он спешил идти.

Быстро пробежал Димитрий по саду, захлопнул за собою калитку и опять хотел отворить — ему хотелось еще раз взглянуть на дом Некомата, на сад, где с Ксенией провел он столько счастливых часов в несчастное время своей жизни! Тайный брак соединил их во время поездки Некомата в Москву. Золото обольстило няню Ксении. В зимнюю ночь, когда все спали в доме, Димитрий, увез Ксению. Они были обвенчаны в отдаленной церкви. Счастье не было их уделом. Только Замятня, сторож сада и няня знали тайну свиданий их. * * *

Темница, где заключен был Симеон, стояла подле Кремля. То был старый, огромный, опустевший дом. Высокий забор окружал тюрьму. Стража стояла подле ворот и вокруг дома. Двое московских бояр жили в самом доме. Рядом с сим домом был сад Некомата и небольшой старый домик его. Димитрий быстро прибежал к воротам темничного двора. Несколько человек показались из-за углов: то были его сообщники. У ворот не было ни души — стукнули в ворота; изнутри отодвинули засовы. Все вошли в маленькую калитку. Димитрий трепетал даже голоса товарищей. Три ратника, стоявшие у дверей дома, подошли к Димитрию и сказали, что сторожевые бояре еще не возвращались, а темничный пристав, не участвовавший в заговоре, спит в своей каморке. Прежде всего задвинули двери и ставень окна его каморки. Вот на другой стороне забора раздался громкий оклик часового. Один из ратников откликнулся; раздалось еще несколько окликов, и все умолкло. Не теряя времени, стали ломать замки на дверях. Они уступили усилиям. Дверные запоры упали. Двери растворились. Вдруг померещилось Димитрию, что по улице вдоль забора от ворот кто-то крадется... Холодный пот выступил на лице его... Боясь испугать других, он не сказал ни слова, велел идти всем далее и ломать другую внутреннюю дверь. Он один — весь обращен в слух — тихо — опять шорох... Так! Кто-то крадется к тому месту, где стоит Димитрий... Всемогуший! если их открыли! Изнутри дома слышно было, как скрипит замок от напряжения лома... Димитрий прячется — таит дыхание. Кто-то подходит ближе — вынимает из-под полы маленький фонарь — светит. Мерцающий свет отражается на лице незнакомца — Димитрий узнает Некомата...

"Недаром чуяло у меня сердце! — шепчет старик, — здесь не добро! Мое все цело, а здесь... Посмотрим... калитка отворена — сторожей нет... Как? И дверь разломана!.. И здесь нет стражи! Измена! Ударим в набат!" Он спешит идти. Свет из фонаря его мелькает ярче... О ужас! Димитрий не заметил сначала новой предосторожности, взятой тюремщиком: в трех шагах от дверей его каморки протянута веревочка, проведенная на набатную Кремлевскую башню. Уже Некомат подле нее — одно движение рукой — и вся кремлевская стража пробудится...

Дыхание сперлось в груди Димитрия. В глазах у него потемнело. Кровь его застыла и опять, как огонь, полилась по жилам. Он не помнит себя, бросается, сбивает с ног Некомата — фонарь тухнет... началась борьба отчаяния...

Старик был довольно силен. Он выбивается и бросается снова к веревке. Димитрий опять нападает на него. Рука Некомата ловит — почти хватает веревку — все заключено в одном взмахе руки — старик хочет кричать — нож выпадает у него из-за пазухи, и, как безумный, он

ищет его в темноте, схватывает его и поражает Димитрия. Димитрий чувствует, как теплая кровь течет по руке его — он не помнит о себе, борется, зажимает рот Некомату — крик — новое усилие — еще удушаемый крик, еще усилие — последнее, отчаянное — и за ним послышалось хрипение умиающего...

— Убийца! — вскричал Димитрий. Голос его глухо раздался во мраке. — Я убил его! — И ему чудится, что кто-то страшно захохотал вдали. Но вот идут из тюрьмы — слышны голоса. В забытьи оттаскивает Димитрий в сторону труп Некомата, бросается к выходящим — Симеон!.. * * *

"О! стонать тебе, Русская земля, помянувши прежнюю годину и прежних князей, Владимира Великого, Ярослава Мудрого, Мстислава Храброго! Ныне усобица князей на поганые погибла. Рекли князья: то мое и то мое же, и сами на себя стали крамолу ковать, а поганые со всех сторон с победою приходят на землю Русскую. Тоска разлилась по земле Русской, и печаль тучная бродит по весям и градам! О! стонать тебе, Русская земля, помянувши первую годину и первых князей!" — Так пел ты, певец плена Игорева, и два века протекли, но вещие слова твои роковым пророчеством носятся по земле Русской!

Что там расстилается, как туман на синем море? То стелется дым от огня, попяляющего жилища православных! Что там белеет, как снега во чистом поле? То белеют шатры бесчисленной рати Тимуровой! Сбылись страшные знамения, сбылись предчувствия, ужасавшие Русь — Тимур перешел Волгу и двинулся на полночь по берегу Дона. Пустынями шло его воинство, не встречая ни града, ни веси, ни села. Если и были там древле грады красны и нарочиты видением, места их единые только оставались, пусто же все и ненаселенно, нигде не видно человека, только дебри велия и зверей множество. При впадении Сосны в Дон раскинут был наконец привальный табор Тимуров.

Зачем между ордами татар явилась русская дружина? Зачем она не в цепях, не в плену? Кто сей русский князь, которого руку дружески жмет старый татарин? Он, седой вождь татарский, был в Нижнем Новгороде и безмолвно смотрел, как сорвали венец княжеский с главы князя Бориса и как бросили в темницу Симеона.

— Наконец и ты здесь, русский князь. Поедем же в ставку великого Тимура! — говорил татарин.

"Поедем!" — отвечал князь русский.

— Дружина твоя останется у моих шатров.

"Пусть останется".

— Ты должен оставить здесь все свое оружие.

Русский князь безмолвно снял саблю, отстегнув кинжал, положил копье. Подводят коней. Они едут.

Место, где расположен был стан Тимура, тянулось на несколько верст по берегу Сосны и Дона и неправильно простиралось в лес. Передовые отряды Тимуровы были за пепелищем Ельца. Ясное летнее солнце сияло на небе. Въехав на пригорок, откуда видны были и берега Дона, и быстрые воды Сосны, и меловые горы, при впадении сей реки в Дон, русский князь невольно остановился, и тяжкая печаль изобразилась на лице его.

Перед глазами князя раскрылся стан Тимура — ни в которую сторону не видно было конца бесчисленному множеству шалашей, палаток, шатров, землянок. Лес на несколько верст был вырублен. Вдали дым поднимался клубами от догоравшего Ельца. Стада коней, волов, верблюдов, овец; орудия, каких до того времени не видано в России; воины, разнообразно

одетые, богатые бухарцы, покрытые овчинами курды, закованные в железо персияне, черные эфиопы, наездники горские, воины европейские; женщины и дети пленные; телеги, нагруженные снарядами и добычами; оружие, наваленное кучами и расставленное рядами; огни, вокруг которых сидели воины; балаганы, где раскладены были богатства и товары из всех стран света и где шла деятельная торговля, как будто на каком торжище; рев животных; звук бубнов и труб, клики, песни, плач, игры, уныние отчаяния и неистовство счастья, бешеная радость и вопль ярости — все раскрывалось в зрелище невиданном и неслыханном.

На самом высоком месте, среди табора, стоял шатер Тимура. На нем блистала, как звезда, золотая, осыпанная алмазами маковица. Полы шатра, из драгоценных индийских тканей, были опущены. Вокруг шатра постлан был бархат, вышитый золотом и жемчугом. На полверсты к нему трудно было пробраться сквозь толпу вождей, воинов, князей, купцов, духовных людей и странников. Тройная цепь стражей, скрестивши копья, спрашивала всех подходящих. При ярлыке, который показал татарин, пропустили его и русского князя. Тут протянуты были серебряные цепи, и тянулись в обе стороны богатые шатры жен и вельмож Тимуровых. Бессмертная дружина Тимурова окружала его ставку. Совершенное безмолвие было в рядах сих воинов, прошедших от песков татарских до Китая и от Персии до берегов Дона. Облитые золотом, опершись на булатные секиры, они были неподвижны. Как будто не видали они, что татарин и соратник его подняли полу шатра и вошли в первое его отделение. Здесь разостланы были парчи, и на бархатных подушках сидели писцы и муллы; одни писали на шелковых тканях, другие погружены были в чтение свитков; в стороне сидел какой-то человек с свертком в руке, молча, но, выпучив глаза, шевелил губами и размахивал руками. Другой человек с черною длинною бородою, не сводя глаз с книги, перед ним лежавшей, протянул руку к татарину, взял его за руку, посмотрел ему на ладонь, потом взглянул в книгу, взглянул на какой-то странного вида математический инструмент и дал знак, что они могут идти далее. Тихо подняли татарин и русский князь балдакиновую завесу, преклонили головы, вступили внутрь и стали на колени. Глубокое молчание. Украдкой поднявши глаза, князь русский ослеплен был блеском драгоценных камней, из коих узорами сделаны были украшения стен шатра. Вокруг набросаны были дорогие ткани, стояли деревянные кадки и горшки с жемчугом, золотом, серебром; в груди лежало множество золотых чаш; в стороне брошен был овчинный тулуп; шерстяной войлок лежал на куче бесценных соболей. Вокруг стен положены были подушки, бархатные и парчовые, и подле каждой из них, на коленях, обратясь лицами к Тимуру, стояли люди, преклонив головы. Только один старик, державший в руках развернутый свиток и читавший его вслух, и другой, державший атласный сверток и трость писальную, сидели несколько ниже хана. Посреди шатра стоял большой кувшин, глиняный, на огромном золотом подносе, и подле него лежали два черные невольника. Сам Тимур сидел, поджав ноги, на подушке из драгоценного балдакина, потупив глаза, окруженный оружием, с чашею в руках. Он прихлебывал что-то из чаши и слушал чтение свитка — то было утреннее чтение алкорана.

"Он дал свет солнцу и блеск звездам. Он уставил изменения месяца, да послужат человеку делить время и считать лета. Воистину он создал всю вселенную. Он повсюду явил очам мудрых знамения своего могущества. Последование ночи и дня, согласие всех творений на земле и на небе суть блистательные свидетельства боящимся Господа. Не ожидающий будущей жизни, обольщенный прелестями земного бытия, уснет на них ненадежно, а презирающий мои вещания, за деяния свои, получит возмездием огонь адский!"

Здесь Тимур махнул рукой. Чтение прекратилось. Все поднялись и сели на подушках около стен шатра. Русский князь с невольным трепетом устремил взоры на страшилище, ужаснувшее собою полсвета. Он увидел человека, которому, по-видимому, было не более 50 лет — таким железным здоровьем одарен был Тимур. Смуглое, загоревшее лицо, черная с проседью борода, простая зеленая чалма, пестрый шелковый халат и кинжал за поясом — ничто не показывало ничего необыкновенного при первом взгляде. Но другой взгляд едва ли

осмелился бы кто-нибудь возвести на Тимура. Глаза его сверкали, как глаза тигра. Лицо его не выражало ни одной страсти, но оно было смешением всех страстей. Ничего не высказывало отдельно лицо Тимура, но каждое движение резких черт его обнажало пучину страстей, подобную той пучине моря-океана, где, как говорят, неугасающая смола горит, и кипит, и застывает — плавит камни и леденит воду в одно время.

"Вот истинная премудрость, Джеладдин-Абу Гиафар! — сказал Тимур, указав на алкоран жилистою рукою, показывавшею его необыкновенную силу. — Вот где язык человека должен замкнуться в храмину безмолвия! Нам ли, праху земному, мудрствовать и стучаться в двери небесной мудрости? Что мы? Муравьи, тлен! Век наш — тень былия на горе Ливана!"

Писец, сидевший по одну сторону Тимура, принялся писать. Тимур обратился к нему: "Разве я сказал что-нибудь достопамятное? — промолвил он. — Правду, простую правду сказал я!"

— Правду небесную! — отвечал писец.

"На что же записывать ее? Она в сердце твоём и моём, и всех людей. Люди все одинаковы".

— Нет! — откликнулся кто-то у входа шатра. Это был тот человек, которого видел русский князь в преддверии и почел сумасшедшим за его кривлянье.

"Тебе могу поверить, — сказал тихо Тимур. — Бог рек! "Мы даровали премудрость Локману и вещали ему! даждь славу Богу!" Ты поэт, вдохновленный небом, — говори!"

И поэт проговорил быстро:

"Если все деревья земные обратятся в писальные трости, если все семь океанов потекут чернилами, и тогда мы не испишем всех чудес Бога, создавшего Тимура, саиб керема вселенной. В едином человеке воссоздал Бог все человечество. Он изрек: кун (да будет!) — и явился человек. Он изрек: желаледдин (восстань!) — и восстал Тимур! Цари — рабы его; веяние крыл ангела смерти — гнев его; от взоров его колеблются столпы Византии и трепещут опоры Индии! Пилою могущества перепилил он землю: на одной половине престол его, на другой океан бедствий, где реют в волнах слез и разбиваются о скалы ужада враги его! Древо блаженства смертных выросло в груди его и распростерло сени святых законов от полудня до полуночи! Как из растворенных врат рая веет радостью на смертных, так из уст Тимура веет премудрость, и, обтекая пучину времен, она пройдет века и воссияет над гробницу последнего смертного!"

— Благословен Алла, создавший Тимура! — воскликнули присутствовавшие.

"Абу-Халеп! Возьми себе вот этот горшок, — сказал Тимур, указывая на огромный кувшин, насыпанный вровень с краями золотом, — и помни, что Тимур прервал сон наслаждений небесными розами поэзии, видя бедного пришельца у прага шатра своего. Говори мне, Эйтак, — сказал он, обращаясь к татарину, пришедшему с русским князем, — говори: тот ли это человек, который просит помощи? Что ему надобно? Не отняли ль у него земли, по которой идем мы, с благословением пророка, восстановить повсюду закон и правду?"

— Нет, великий сагеб керем! Он князь в полунощной части земли Русь.

"В сколько седмиц пройти можно землю его? Простирается ли она хоть на месяц пути?"

— Нет! Он владел немногими городами, далеко отсюда, на берегу большой реки, и у него отняли его землю.

"Так угодно было судьбам вышнего! Зачем же противится он воле Бога? Зачем не отдаст он венца за мирную соху, при которой счастлив бывает человек? Что ему хочется менять блаженство тишины на заботы царей?"

— Землица была его наследие. Он почитает обязанностью хранить ее, ибо в ней схоронен прах его предков.

"Не Москва ли была наследие его? Я слышал о каком-то городе Москве?"

— Нет! Москва отняла у него наследие.

"Итак, даже Москва могла обидеть его, Москва, которая сама преклонялась у подножия седалища людей, ничтожных пред избранными пророком — преклонялась пред ордою Тохтамыша!"

Он умолк и потом обратился к одному из присутствовавших.

"Где посол Баязета?" — спросил он.

— С восхождения солнца вчерашнего ждет он ответа, не двигаясь с места, не совершая молитв и омовения и не вкушая трапезы, близ твоего шатра.

"Кто он?"

— Он царь Эрзерума, взятый в плен Баязетой, и ныне раб его.

"Напиши, Шефереддин, ясно напиши на бумаге Баязету, что Тимур предвидит погибель его на скале гордости и что корабль его плывет через пучины безумия. Напиши, что воины мои покрывают полмира и что скоро приду я в Анатолийские леса и там Богу правосудия предам мою обиду! Напиши и пошли проводить посла его столько человек, чтобы глаз не видел конца рядов их. А ты, князь Руси, если Москва обидела тебя — поди с моим именем, поди один и пешком, в Москву — поди и скажи князю Московскому, что я отдал тебе Москву, и — возьми ее себе".

— Он не посмеет взять не своего, — отвечал угрюмо Эйтяк.

"Эта Русь мне нравится, — сказал Тимур, улыбаясь. — Здесь, мне кажется, были когда-нибудь царства сильные. Ты знаешь леса Индии и Персии? Здесь совсем другие леса — они гробницы жизни. Вчера я много думал, смотря на следы города, которые открылись в дикой, вырубленной моими воинами дебри. Тут был лес — он был уже некогда вырублен — жили люди, и их нет — и на городах их выросли вновь леса. Люди здесь, на Руси, сжались в маленьких городках — и так же называются ханами и отнимают друг у друга то городок, то землю! Для чего желаешь ты, князь русский, владеть своею землею? Земли всего надобно тебе вот столько! (Тимур показал меру могилы). Сегодня ты гордишься, а завтра никто и не вспомнит тебя! Стоит ли труда земля твоя и век твой? Я был на том месте, где стоял Вавилон Великий, и никто не мог мне сказать имен ханов, которых могилы являлись пред мною длинными рядами обломков. А знаешь ли, что один из сих ханов построил стены города, которых в семь дней нельзя было объехать? Что ты скажешь об этом, Мостассем-Гассан, мудрец Багдада?"

— Раб твой, — отвечал один из присутствовавших, — осмеливается думать, что воля Провидения неисповедима; оно создало кедр Ливана, розу Исмена, и траву, растущую на могиле монгола, умершего в сибирской степи, где никто не ведает не только его самого, но и народа его, погребенного в ветре пустынном. Я видел водопады великого Нила: там волны реки падают с того самого часа, как Бог изрек миру: будь! и он был. Волна сменяет волну, и все льется в море, где и глаз и ум человека теряются в необозримой пучине.

Глаза Тимура блеснули, как молния.

"Взгляни на звезды небесные, — сказал он, — и знай, что есть и в мире такие звезды! Пыль подымается ветром и падает опять на землю, а глаза Алиевы вечны, и бог избирает здесь

на земле человека тленного и дает ему нетленные глаза! Собирается воинство и идет на край света. Для чего движутся сонмы их, для чего клики их будят духа безмолвных пустынь? Не для стяжания, не для корысти! Они ищут перлов славы, нетленных очей памяти. Полхлеба, купленного за одну копейку, насытит человека. И что я? Бедный грешник, старый и хромой — но мне суждено было покорить Иран, Кипчак, Туран и предать губительному ветру истребления силы великие и царства многие! Дух Божий ведет меня — и будто я знаю, куда он ведет меня? Он теперь отвращает меня от пути на полночь — он велит мне идти туда, в страны, орошаемые Гангесом, Нилом и Евфратом. Мы пройдем Эфиопию и перейдем чрез те горы, где сказал какой-то бессильный богатырь: не далее! Придем сюда еще раз, но уже с запада, и через Железные Врата Каспия пронесем завет пророка в Самарканду! А, Мустафа! исполнил ли ты повеленное тебе?"

— Голова Корийчака и головы его советников складены столпом подле шатра твоего.

"Поди же и объяви Темир-Кутлую, что Тимур избирает его владыкой Кипчака, вод Яика и вод Дона, до самого Крыма".

Один из присутствовавших повергся ниц на землю.

"Ты здесь, Темир-Кутлуй? Я и не заметил тебя! Воздай хвалу не мне, а Богу. Будь милосерд, правосуден и — царствуй многие дни!"

— Восемь верблюдов, навьюченных золотом, и восемь невольников повергает раб твой к стопам твоим! — отвечал Кутлуй.

"Восемь? — спросил, изумляясь, Тимур. — Девять дверей рая, девять молитв Пророка, и число девять благословляет человека на земле!"

— Девятый раб твой — сам я, освещенный взором твоим, и девятый верблюд — царство мое! Пророк не отринул несколько капель воды, принесенных ему усердием...

"Восток и Запад — область Божия! Куда ни обрати взоры, везде узришь образ Бога! Он наполнил вселенную своею бесконечностию. Не так ли рек Пророк его?"

— Но мы не видим его, и только дух премудрости его явлен человеку в образах видимых, и где более явлен он, если не в том, кто переживет тысячелетия и будет на земле нетленными очами человечества!

"Поди же, Темир-Кутлуй, — я даю тебе средство начать добром — отдай этому князю русскому то, что у него отняли Тохтамыш и враги его! А ты, князь русский, помяни в молитве твоей меня, бедного хромца, и воздай за добро благоденствием твоих подвластных!"

По данному знаку Темир-Кутлужа Эйтжак и русский князь преклонились и вышли из шатра. Все остальные зрители оставались неподвижны, и сидевшие в преддверии шатра были, как прежде, на своих местах. Все как будто оставалось недвижимо, но первый предмет, поразивший князя русского, когда он вышел из шатра Тимурова, была пирамида из окровавленных человеческих голов, которую складили в краткое время бытности его в шатре Тимура. На вершине пирамиды лежала голова Корийчака, избранного за несколько дней прежде в ханы Золотой Орды. Кровь из нее капала и падала на песок по обезображенным головам друзей Корийчаковых. * * *

Прошли годы, прошли века. Память о нашествии Тимура осталась только в молве народной. Летописи русские повествуют, как благодать Божия спасла Москву от гибели; как чудотворный образ Богородицы принесен был из Владимира в Москву; как зверовидный Тимур устрешен был чудным видением — в трепете, ночью, вскочил с одра своего, завопил страшным голосом, обратил вспять от берегов Сосны полки свои и бежал никем же гоним!

Когда вы вступите в древний московский храм Успения Богоматери, ваши взоры благоговейно встретят на левой стороне от царских врат униженный жемчугом и драгоценными камнями образ, пред коим денно и ночью горит елей, приносимый православными. Сей святой образ перенесен был из Владимира, когда Тимур грозой двигался по берегам Дона к Москве. Пред ним молились предки наши, пред ним падали тогда во прах князи и бояре, пред ним лились горячие слезы русских, когда князь Василий Димитриевич и воинство его обрекали себя верной гибели на берегах Оки и хотели лечь костями за Москву и православную Русь.

Красным летом, когда зацветают окрестности московские и толпы пешеходов идут поклониться мощам Святого Сергия, благоговейно останавливаются сии странники древнего Сретенского монастыря, совершают три земные поклона, и в душе их пробуждается память о том времени, когда на сем самом месте сердца предков их усладила первая надежда спасения, когда сонма народа преклонились пред чудотворным образом Богоматери — и Тимура поразили страх и трепет.

Поколения прешли по лицу земли. Пыль гробов отяготела на них веками. Если вы будете в Нижнем Новгороде, войдите в древний Преображенский собор, взгляните на ветхие гробы князей Нижегородских, разберите старинные письма на их гробницах: вы найдете там гробницу Симеона, подле него гробницу князя Бориса. Гроб примирил их. * * *

Вы хотите знать судьбу Симеона после того, когда вы видели его в шатре Тимура и слышали, как могущим словом Тимур отдавал ему Москву, не только наследие его. Разогните древние летописи и читайте:

"Лето 1402-го, князь великий Василий Димитриевич посылал воевод своих, Ивана Андреевича Уду да Федора Глебовича, а с ними рать свою искать князя Семена Димитриевича Суздальского, и самого его обрести или княгиню его, или дети его, или бояр, крышесь бо в татарских местех. И идоша на Мордву, и наехаша князя Семена княгиню Александру в Мордовской земле, на месте, нарицаемом Цыбирца, у святого Николы, идеже поставил церковь бесерменин Хази-баба. И изымаша тамо княгиню Семенову Александру, и ограбиша ее, и приведоша в Москву, и с детьми юными, и затвориша их на дворе Белевута. Слышав же князь Семен, что княгиня его и с малыми детьми изымана, и посла к великому князю с челобитьем, милости моля, и вниде в покорение, и во многое умиление и смирения, прося опаса. Был же тогда князь Семен в Ордынских местех, бегаша от великого князя, от Василия Димитриевича. Князь же великий Василий Димитриевич даде ему опас. Он же прииде из Орды на Москву и взяша мир с великим князем, и иде с Москвы на Вятку, с княгинею и с детьми, болен бо бяше уже, и пребысть на Вятке пять месяцев, и в больший недуг впаде, и преставися, месяца декабря в 21 день. И сей князь Семен Димитриевич Суздальский в веке своем многи напасти подъят, и многи истомы претерпе, во Орде и на Руси, тружався, добываясь своей отчины, и восемь лет сряду не почивая, по ряду в Орде служаху четьрьмя царям: первому Тохтамышу, и второму Темир-Акеаку, и третьему Темир-Кутлюю, и четвертому Шадибегу, а все поднимая рать на великого князя, на Василия Димитриевича, как бы ему найти свою отчину, княжество Новагорода Нижняго, и Суздаль, и Городец. И того ради мног труд подъя, и много напастей и бед потерпе, пристанища не имея, и не обретая покоя ногами своима, и не успе ничтоже, но яко всеу труждаясь. Суетно есть человеческое спасение и упование, понеже от Бога вся суть возможна, а от человек ничтоже..." * * *

Такова была судьба князя Симеона Суздальского. Но его боярин Димитрий, но Ксения, но Замятня?

Если что успеем найти, перескажем когда-нибудь о Димитрии, Ксении и Замятне. Теперь простите, православные, и благодать Божия да будет с вами. Повесть о Симеоне кончена.

Чему научила она нас? Повторим слова современника: "Суэто есть человеческое спасение и упование!" — Истина не новая, но помним ли мы ее?

1828

КОММЕНТАРИИ

В настоящий сборник вошли избранные исторические произведения Н. А. Полевого. С некоторыми из них советский читатель уже знаком. "Повесть о Симеоне, Суздальском князе" в последние годы переиздавалась трижды (См. кн.: Полевой Н. Избр. произв. и письма. Л., 1986. С. 28–88; Полевой Н. Мечты и звуки. М., 1988. С. 135–196; "Русская историческая повесть первой половины XIX века". М., 1989. С. 84–144. Четырежды, не считая журнального варианта 1828 г. и авторской прижизненной публикации в 1843 г., она издавалась в дореволюционные годы — 1885, 1890, 1899, 1900 гг.); "Пир Святослава Игоревича, князя Киевского" — один раз (Полевой Н. Мечты и звуки. С. 260–284). Другие произведения переиздаются в советское время впервые: "Иоанн Цимисхий" — по единственному, прижизненному изданию (2 части. М., 1841); роман "Клятва при гробе Господнем" — по первому изданию (4 части. М., 1832; в дореволюционные годы роман переиздавался четыре раза — 1886, 1899, 1900, 1903 гг.).

В настоящем издании тексты произведений даются с сохранением орфографии и пунктуации, характерными для того времени и отражающими индивидуальный стиль автора.

Произведения расположены в исторической последовательности событий, изображенных Н. А. Полевым. ПОВЕСТЬ О СИМЕОНЕ СУЗДАЛЬСКОМ КНЯЗЕ

Впервые — под названием "Симеон Кирдяпа. Русская быль XIV века" — Московский телеграф. 1828. Ч. XIX. № 1. С. 53–81; № 2. С. 196–227; № 3. С. 330–375. С измененным названием и добавлением эпилога — Повести Ивана Гудошника. Спб., 1843. Ч. 1. С. 1–195. Журнальный вариант опубликован в кн.: "Предслава и Добрыня". М., Современник, 1986. С. 380–437.

С. 219. Симеон (ум. 1402) — князь Суздальский (1383–1388) и Нижегородский (1388–1389), средний сын Дмитрия Константиновича (1322–1383) — князя Суздальского (1355–1383), Великого князя Владимирского (1360–1361, 1362) и Нижегородского (1365–1383). Вместе со старшим братом Василием (ум. 1403), прозванным Кирдяпою, князем Городецким (1388–1389) и Нижегородским (1388–1389), Симеон боролся с дядей Борксом Константиновичем (ум. 1394), князем Городецким (1355–1388, 1390–1392) и Нижегородским (1365, 1383–1388, 1389–1392) за Нижегородский стол — старший в Суздальском (Нижегородско-Суздальском) княжестве, который тот занял по праву старшинства после смерти своего брата Дмитрия. Один из эпизодов этой борьбы и получил отражение в повести Полевого.

Полевой первоначально назвал Симеона Кирдяпою ошибочно; при переиздании повести он эту ошибку исправил, внося соответствующие исправления в ее заглавие и текст, убрав везде прозвище, но оставив факты, биографии Василия, уже использованные им при создании образа Симеона.

С. 221...невзгода Москве... опять... немилость... пожарный случай... — Имеется в виду пожар 1390 г.

С. 222...уже пятнадцатый год минет, как Нижний Новгород впадал в руки басурманские... Нижегородцы прображничали тогда наш городок... — Здесь Полевым допущена неточность. Его герой напомнил о разорении города 5 августа 1377 г. войсками татарского царевича Арапши, разбившего 2 августа русские дружины на реке Пьяне, посланные для защиты Нижнего Новгорода. "Поверив слухам, что Арапша далеко", писал Н. М. Карамзин, ратники "вздумали за рекою Пьяною... тешиться ловлею зверей... Войны, утомленные зноем, сняли с себя латы и нагрузили ими телеги; спустив одежды с плеч, искали прохлады; другие рассеялись по окрестным селениям, чтобы пить крепкий мед или пиво, Знамена стояли уединенно; копья, щиты лежали грудями на траве" ("История государства Российского", г. V, гл. 1). Беспечность была жестоко наказана, навечно оставшись в поговорке: "За Пьяною люди пьяны", Безоружное воинство полегло, не оказав практически никакого сопротивления; многие утонули в реке, в том числе и младший сын Нижегородского князя Дмитрия Константиновича — Иван, командовавший отрядом суздальцев. Таким образом, от разорения города Арапшей до времени описываемых Полевым событий прошло 14 лет и три месяца. Однако в июле 1378 г., в очередной свой набег на Русь, ордынцы снова разграбили и сожгли Нижний Новгород. Следовательно, в действительности минуло тринадцать лет и три месяца, как Нижний Новгород "впадал в руки басурманские", что не могли не знать нижегородцы...

Москва... после вражьего меча десятый год... — Тохтамыш (уб. 1406), хан Синей (Белой) Орды с 1377 г. и Золотой Орды с конца 1380 г., обманном путем захватил и сжег Москву 26 августа 1382 г. (см. комм. к с. 225).

С. 223...как немецкой рыбе аселедцам... — Сельдь на Русь поступала через Новгород Великий, куда ее доставляли ганзейские (немецкие) купцы, отсюда название — немецкая рыба.

...читал во "Временнике" — т. е. в летописи, хронографе. Излагаемый далее легендарный рассказ об Александре Македонском из "Откровения Мефодия Патарского" (III–IV вв.) в Нижегородскую (Лаврентьевскую) летопись не входил, он был включен в текст "Повести временных лет" под годом 6604 (1096) составителем Ипатьевской летописи в первой четверти XV в., т. е. почти два десятилетия спустя, после описываемых Полевым событий.

С. 224. Сунклиг — сказочный состав, смола: "...ни огонь его не может спалить, ни железо его не берет" (см.: Памятники, литературы Древней Руси: Начало русской литературы. М., 1978. — С. 244–245).

С. 225...Василий да Симеон! На них пали кровь Москвы и пепел святых храмов ее! — 28 августа 1382 г. москвичи в очередной раз стали жертвой своей доверчивости, поверив клятвенному заверению Василия и Симеона, что Тохтамыш воюет только с князем Дмитрием Ивановичем Донским, а от них ждет лишь "небольших даров", за что "даст мир и любовь". Нижегородские княжичи оказались в стане врагов Руси не случайно — они были посланы с дарами к ордынскому хану своим отцом, Нижегородским князем Дмитрием Константиновичем, прослышавшим, что Тохтамыш идет на Москву, и надеявшимся тем самым отвести беду от Нижнего Новгорода. Переметнувшись на его сторону княжичей Тохтамыш, после двух дней безуспешного штурма Москвы, направил в качестве парламентариев к защитникам города, точно рассчитав, что москвичи поверят клятвенным заверениям людей, находившихся в родстве с князем Дмитрием Иоанновичем — родная сестра Василия и Симеона была его женою. Расчет оказался верным. Москвичи поверили "шурьякам" своего князя, открыли кремлевские ворота и вместе с руководителем обороны, молодым литовским князем Остеем, вышли навстречу врагу с крестами и дарами. Татары немедленно ворвались в город, разорили и сожгли дворцы, дома, церкви, а жителей перебили, и первыми погибли князь Остей и, духовенство. После захвата Москвы Тохтамышево воинство разграбило Звенигород, Можайск, Рузу, Дмитров, Переяславль...

...получил от хана Агиса грамоту на Московское княжество и отказался от Московского

престола... — Здесь Полевым допущена неточность. Нижегородский князь Дмитрий Константинович не мог ни претендовать, ни получить грамоту (ярлык) на Московское княжество: это был удел другой княжеской династии, право владения которым переходило по наследству ее представителям. В 1365 г. Азис (Агис) прислал князю Дмитрию Константиновичу ярлык на Великое княжество Владимирское, которое являлось главным среди великокняжеских столов, и занимавший его считался старшим среди русских князей, главою всей Руси. Дмитрий Константинович, уже дважды занимавший этот возделенный для наших князей стол — в 1360–1361 гг. по ярлыку ордынского царя Невруса (Навруса) и в 1363 г. по ярлыку хана Мюрида (Амурата, Мурута) — и дважды оставлявший его, изгоняемый войсками юного Московского князя Дмитрия Иоанновича (будущего победителя Мамаю), получив нежданно-негаданно ярлык в третий раз, решил не искушать судьбу, сразу же отказавшись от него в пользу Дмитрия Иоанновича.

С. 226...юный князь московский — Василий I Дмитриевич (1371–1425).

Димитрий возвел Симеона на престол Нижегородский... — Не совсем точно. При поддержке войск, посланных Дмитрием Иоанновичем, престол Нижегородский в марте 1388 г. заняли оба брата — Василий и Симеон. Причем инициатором этого похода против Бориса Константиновича был Василий, которого родной дядя, получив в 1383 г. ярлык на Нижегородское княжение, оставил в Орде в качестве заложника. В 1386 г. Василий совершил побег из Орды, но был пойман и "за то, — как писал нижегородский летописец, — приял от татар истому &t;т. е. мучение&t; великую". Вернулся он из Орды в начале 1388 г., получив грамоту на княжение Городецкое — удел князя Бориса Константиновича. Спустя месяц Василий вместе с Симеоном, объединив дружины городецкие и суздальские и "испросив" у Московского князя "себе силу, рать Звенигородскую, Можайскую и Волотьскую", заставили дядю покинуть Нижний Новгород и удалиться в Городец. В 1389 г., после смерти Дмитрия Донского, Борис Константинович вновь выпросил у хана ярлык на Нижегородское княжение и был окончательно лишен этого стола в 1392 г., о чем и рассказывается в повести Полевого.

С. 229...к пределам хлыновским... — т. е. к земле вятичей, вятской земле; Хлынов (на р. Хлыновица при впадении в Вятку) — один из городов на р. Вятке, основанных новгородцами в 1181 г. Однако эти земли стали называть хлыновскими после 1457 г., когда главный город вятичей — Вятка был переименован в Хлынов; в 1781 г. он снова стал Вяткой.

Мурза Беркут... — имеется в виду царевич Беткут (Бектут); однако он разорил Вятку в 1391 г. Этот анахронизм — результат невнимательного чтения Полевым "Истории государства Российского" Н. М. Карамзина, где о разорении Вятки Беткутом говорится в ряду событий 1392 г., предшествовавших падению самостоятельности Нижнего Новгорода (т. V, гл. 11); летописная дата — 1391 г. — была указана Карамзиным в примечаниях.

С. 235. Грань поверстная — верстовой столб.

С. 237. Полоротыми — полуоткрытыми.

С. 238...следует Мономахову наставлению... — Имеется в виду следующий совет из "Поучения" Владимира Мономаха (1053–1125), великого князя Киевского: "Добро же творя, не ленитесь ни на что хорошее, прежде всего к церкви; да не застанет вас солнце в постели. Так поступал отец мой блаженный и все добрые мужи совершенные" (Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы, с. 401).

С. 243...второй Святополк. — Имеется в виду Святополк (ок. 980–1019), прозванный Окаянным, князь Туровский (с 988 г.), великий князь Киевский с 1015 г., который в борьбе за великое княжение убил в 1015 г. своих двоюродных братьев — Бориса, Глеба и Святослава.

С. 249. Юный князь Дмитрий Александрович Всеволож — Неточно: Дмитрий Всеволож не был князем, а был только боярином.

С. 251. Тимур (Тамерлан; 1336–1405) — государственный деятель и полководец, создатель Эмирата (с 1370 г.) со столицей в Самарканде; разгромил Золотую Орду.

С. 252. Андрей, князь Нижегородский... — Андрей Константинович (ум. 1365), князь Нижегородский с 1356 г.

...пустынник Сергей — Сергей Радонежский (1321–1392) — Выдающийся церковный и политический деятель.

...затворил храмы... — т. е. запретил совершать в них богослужения и церковные обряды.

Борис затрепетал, уступил... — В действительности, "духовное наказание" не произвело на князя Бориса никакого действия и он уступил лишь тогда, когда его брат Дмитрий Константинович подошел к Нижнему Новгороду с сильной московской ратью, посланной князем Дмитрием Иоанновичем (Донским) в благодарность за его отказ от ярлыка на Великое княжение Владимирское (см. комм. к с. 225).

С. 253. Симеон... послан был в Орду... Туда явился и Борис... — В действительности было все наоборот. Борис Константинович со своим сыном Иваном поспешил в Орду, как только узнал, что его брат находится при смерти; Василий и Симеон прибыли в Орду уже после смерти отца. Дядя сумел "выклянчить" себе Нижегородское княжение, Симеону был пожалован Суздаль, а Василий оставлен в качестве заложника (см. комм. к с. 226).

Сгиб — исчез, скрылся.

С. 255...вещания велемудрого Георгия Писидийского... — Имеется в виду "Шестоднев, или Сотворение мира" — поэма византийского поэта Георгия Писиды (конец VI — перв. четв. VII в.).

С. 257. Владимир Андреевич Храбрый (1353–1410) — князь, герой Куликовской битвы, командовал засадным полком, решившим исход сражения.

Витовт (1350–1430) — великий князь Литовский с 1392 г.

Сарай — столица Золотой Орды.

С. 258. Страна есть некая, между царством Попа Ивана... — легендарные земли, упоминаемые в "Сказании об Индийском царстве" (XIII–XIV вв.).

Синяя Орда (Белая Орда) — государственное образование, входившее в состав Золотой Орды и располагавшееся в ее юго-восточной части на территории современной Западной Сибири, Поволжья, Казахстана и Северного Кавказа.

Амазоны и Макарийские блаженные острова — легендарные земли, упоминаемые в "Повести о Макарии Римском" (XIII–XIV вв.).

Мануил Великий — Мануил II Палеолог (1350–1425), византийский император с 1391 г.

С. 261...животы смерть окажет... — т. е. о богатстве, достатке ("животах") человека узнают после его смерти.

С. 271. "О! стонать тебе, Русская земля..." — вольный перевод отрывка из "Слова о полку Игореве".

С. 273. Трость писальная — старинный инструмент для письма, представлявший собою тростниковую (бамбуковую) палочку, заостренную и расщепленную на конце.

С. 274. Локман — в арабских преданиях имя мудреца, жившего до пророка Мухаммеда.

...саиб керема вселенной — букв. — господин милостивый вселенной ("владыка вселенной"),

С. 275...у прага — у порога.

Эйтjak (Ейтjak) — царевич ордынский; в 1399 г. вместе с Симеоном обманным путем (Симеон опять пообещал, что татары не тронут жителей) захватил Нижний Новгород и разграбил его.

Баязет — Баязид I Молниеносный (ок. 1350–1403) — турецкий султан (1389–1402).

С. 276. Анатолийские леса. — Имеется в виду Малая Азия, почти полностью захваченная турками к 90-м годам XIV в.

С. 277. Темир-Кутлуй — правитель Золотой Орды в 1398–1400 гг.

Железные Врата Каспия — Дербент.

С. 278...ником же гоним! — т. е. гоним неизвестно кем, невидимой силой.

...поклониться мощам Святого Сергия... — Сергей Радонежский был похоронен в основанном им Троице-Сергиевом монастыре.

С. 279...прося опаса — т. е. охранную грамоту.

С. 280. Шадибег (Шадибек) — правитель Золотой Орды в 1400–1408 гг.

СЛОВАРЬ УСТАРЕВШИХ И МАЛОУПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ СЛОВ

Адамант — алмаз.

Аер — воздух.

Ажно — даже, между тем, так что.

Алкать — сильно желать.

Алтарь — жертвенник; в православной церкви — главная, восточная часть, отделенная от общего помещения иконостасом.

Амвон — возвышенная площадка в церкви перед иконостасом.

Анафема — церковное проклятие, означающее отлучение от церкви.

Антиподы — обращенные ногами друг к другу; жители диаметрально противоположных точек земного шара; люди с противоположными чертами характера, взглядами.

Апофегма — краткое, меткое поучительное, наставительное слово, изречение.

Аргмак — верховая лошадь восточной породы.

Архистратиг — самый главный военачальник, предводитель, вождь.

Аспид — род африканской ядовитой змеи; злой, с черной душой человек.

Багряница — широкий плащ ярко красного, пурпурного цвета, подбитый горностаем; торжественное облачение царей, императоров.

Балдакин, балдахин — нарядное убранство, свисающее над кроватью, ложем, престолом.

Балясы — столбики под перила, поручни, ограду; пустые, праздные разговоры.

Бармы — оплечье, ожерелье, часть торжественной одежды с изображениями святых, предназначенная для парадных выходов князей, царей, высших чинов духовенства.

Баядерка — служительница религиозного культа в восточных странах; танцовщица и певица.

Бдеть — бодрствовать, не смыкать глаз, неусыпно следить за чем-нибудь.

Белец — живущий в монастыре, но еще не постриженный в монашество.

Бердыш — старинное оружие, боевой топор в форме полумесяца.

Бирюч — помощник князя по судебным и дипломатическим делам, глашатай, объявлявший народу воля князя.

Благовест — колокольный звон перед началом церковной службы, производимый одним колоколом.

Блюдись — берегись, остерегайся от неблагоприятных дел и поступков.

Болван — старинное название статуи; идол, истукан.

Бортъ — улей в дупле или выдолбленная колода, пень для пчел.

Брань — вражда, война, сражение, бой, битва.

Братина — большой сосуд, чаша с крышкой или без нее, в которой разносили питье, пиво на всю братию и разливали его по чашкам, кружкам.

Брение — очень жидкая глина, грязь; бренный — глиняный, непрочный, легко разрушаемый.

Будуар — небольшая комната в женской половине для приема друзей, посетителей, расположенная рядом со спальней.

Буесть — отвага, удаль, молодечество, дерзость.

Былий, былье — травинка, соломинка.

Василиск — сказочное чудовище с телом петуха, хвостом змеи и короной на голове, убивающее все живое одним своим взглядом.

Вежа — шатер, кибитка; башня шатрового типа.

Велелепно — великолепно, блистательно, красиво.

Велий — славный великими, знаменитыми подвигами (о людях); великий, огромный (о вещах, предметах).

Вельми — весьма.

Вепрь — дикий кабан.

Вержет — опрокидывает, бросает, кидает.

Вершник — всадник.

Верток — букв. верх пальца, фаланга; древнерусская мера длины — 4,45 см.

Весь — село, селение, деревня.

Ветшаний — ветхий, изношенный.

Взалкать — проголодаться, захотеть поесть.

Вино курить — извлекать, гнать из хлеба и др. растительных частей спирт, горячее вино.

Виссон — дорогая белая или пурпурная материя в Древней Греции и Риме.

Витамице — жилье, жилище, убежище.

Вития — оратор; красноречивый, речистый человек.

Власяница — грубая одежда, сделанная из волос; одевалась на голое тело для смирения плоти.

Впадите — войдите, вступите.

Волоковое окошко — окно с задвижкой, внутренней ставней.

Волостель — властитель, начальник над областью, назначаемый правительством.

Волошские — из Валахии, исторической области, располагавшейся между Дунаем и Карпатами.

Волховать — гадать, предсказывать.

Встола, ватола — накидка из грубой крестьянской ткани.

Вран — ворон.

Вретище — траур; траурные одежды.

Выя — шея.

Вящщие — знатные, сановитые, богатые.

Гиероглифы — иероглифы.

Гинекей — женская половина дома в Древней Греции, Риме и Византии.

Глагол — слово, речь.

Глад — голод.

Гливы — груши.

Голбчик — пристройка к печи, припечье, со ступеньками на печь и полаты, с дверцами,

полочками внутри и лазом в подпол,

Головщина, головщик — управляющий одним клиросом в монастырских церквах; а также (обл.) — торговец яствами; уголовник, преступник.

Гонт — дранка, клиновидные дощечки, кровельный материал,

Горка — полочки, шкафчик для посуды.

Горний — вышний, возвышенный, небесный.

Гост — купцы.

Гривенка — единица веса (фунт — см.), а также дорогая подвеска у образов, икон; позднее — название монеты достоинством 10 копеек.

Гривна — древнерусская серебряная денежная единица, слиток весом около фунта (см.); серебряное или золотое украшение (награда) в виде прямоугольника или овальной формы, с цепочкой; надевалось на шею.

Гудок — смычковый инструмент, род скрипки без боковых выемок, с тремя струнами.

Дебрь — глубокий овраг, ложбина, а также долина, густо заросшие лесом.

Дееписатель — летописец.

Держава — золотой шар с крестом наверху, символ царской, императорской, монаршей власти.

Десница — правая рука.

Десятина — древнерусская единица земельной площади, равная 1,09 гектара.

Дефтерь — ханский ярлык (грамота) о видах, характере и размерах дани, которую князья должны были платить хану.

Джерид, джирит — дротик, метательное копье; джериды — копьеметатели.

Доблий — доблестный, великодушный, добродетельный, благородный, крепкий в деле добра, сильный и твердый в добродетели.

Доезжачий — старший псарь на охоте.

Докончание — конечные условия, окончательная редакция договора, грамоты.

Долбня — колотушка, деревянный молот или просто бревно с выструганной, отесанной ручкой, рукоятью.

Домовище — гроб.

Досканец — ящичек, ларец.

Древле — в старину, в давние времена, встарь.

Дреколья — дубины, палки, колья, употребляемые в качестве оружия.

Дышло — толстая оглобля, прикрепляемая к середине передней осп повозки при парной

запряжке.

Дуля — груша.

Духовник — священник, которому исповедуются в своих грехах.

Елей — оливковое масло, употребляемое в церковном обиходе.

Елень — олень.

Епанча — старинная русская одежда, длинный широкий плащ, имел парадную и дорожную формы.

Ересиарх — основатель ереси или главный авторитет среди ее сторонников.

Животишки, животы — стяжанье, движимое имущество, богатство,

Загнать — загадать загадку, предложить что-то для разгадки.

Заклад — спор, пари; залог, обязательство при займе.

Заклепы — запоры, засовы.

Закута — часть хлева или комнаты, отведенная для мелкого скота и молодняка; чулан, кладовая в избе.

Золотые — попавшие в силки; пойманные, взятые под стражу.

Замшаный — покрытый мохом; забытый, затертый; законопаченный.

Заспа — крупа.

Зельно — обильно, очень много, весьма сильно, крепко.

Зернь — игра в кости (зерна) в чет-и-нечет.

Зипун — верхняя одежда русского крестьянина из грубого толстого сукна, обычно без ворота.

Иверни — черепки, мелкие осколки.

Изурочить — изувечить, искалечить, сглазить, навести на кого-нибудь порчу, болезнь.

Имать — брать, ловить; собирать (дань), изымать (пошлину); созывать.

Инбирни, имбирники, — калачи, хлеб, испеченные с имбирем — пряным корнем тропического травянистого растения.

Ипат — командующий отрядом, предводитель.

Ископать — вырыть, выкопать; добытое, вырытое.

Исполать! — Хвала! Слава!

Исправа — обзаведение чем-либо; одежда, сбруя, упряжь.

Испечаловать — исгоревать, иссохнуть; испросить себе утешение, заботу, защиту от печали.

Истукан — идол, статуя.

Исчадие — чадо (сын или дочь), родившееся на горе родителям, позорящее их своими действиями и поступками; порождение ада.

Калбат, колбат — грубосшитая одежда.

Каленая стрела — с закаленным, особо твердым наконечником.

Калита — кожаный мешочек, сумка для денег, которую носили на поясном ремне.

Камка — шелковая узорчатая ткань.

Капитель — верхняя часть колонны, столпа.

Келейник — послушник или монах, прислуживающий духовному лицу.

Кесарь — в Византии титул соправителя, "некоронованного" императора.

Кимвал — ударный музыкальный инструмент, похожий на современные тарелки.

Киноварь — минерал красного цвета (сернистая ртуть); использовалась для изготовления краски.

Кичение — хвастовство, спесь, показное превознесение самого себя.

Кичька, кичка — головной убор замужних женщин в виде повязки.

Клеврет — друг, союзник, единомышленник; с середины XIX в. значение этого слова изменилось на "подручный", "приспешник", "слепо следующий за своим господином".

Клиент — первоначально: лицо, зависимое от сановника-покровителя; в новое время — постоянный посетитель, покупатель, пользующийся чьими-то услугами и т. п.

Клир — совокупность, собрание священнослужителей и церковных деятелей.

Клирос — возвышенное место в христианском храме перед алтарем, где находятся чтецы и певчие (хор).

Клобук — головной убор православных священников цилиндрической формы со спадающей на плечи тканью черного или белого (у патриархов и митрополитов) цвета.

Кобза — восьмиструнный округлый музыкальный инструмент; был распространен на Украине.

Ковы — козни, коварные умыслы.

Кожух — верхняя одежда из кожи; овчинный тулуп.

Кокошник — головной убор русских женщин в виде украшенного полукруглого щитка или веера.

Кольми — особенно, тем более, коли.

Копышились — копошились; ломались, упрямились, чванились.

Кошевня — станица, казачий лагерь.

Кравчий — боярин, ведавший царским столом.

Краеградие — край, грань чего-либо; дальние городские окраины.

Крыж — крест.

Крыжаки, крыжи — крестonosцы; прозвище рыцарей Ливонского Ордена, вообще воинов, пришедших из стран, исповедовавших латинскую (католическую) веру.

Ктитор — основатель, создатель; в православной церкви — староста, избранный прихожанами.

Купует — покупает.

Кура — вьюга, буран, метель, пурга, поднимающая снег от земли.

Курники — сдобный круглый пирог с курицей и яйцами; род калача с запеченной в нем курицей — свадебная хлеб-соль молодым от всех родных.

Кущи — землянки, шалаши, жилище в безлюдном месте в лесу; дикие, безлюдные, заповедные леса.

Кызылбаши — "красные головы" — прозвище воинов-персов по красному головному их убору.

Лазуревый — светло-синий.

Ланиты — щеки.

Ласкательство — лесть, угодничество, заискивание, униженное потворство.

Лепый — красивый, прекрасный, пригожий, бесподобный.

Ложница — спальная комната.

Локоть — старинная мера длины, равная расстоянию от конца среднего пальца до локтевого сгиба (ок. 60 см).

Ливан — ладан; пахучая смола.

Литр, либр — весовая и денежная единица (см. комм. к с. 52).

Литургия — обедня; христианское богослужение, во время которого совершается причастие.

Лихоманка — лихорадка, горячка, воспаление.

Личины — маски.

Лукоморье — морской залив, побережье.

Мальвазия — сладкое виноградное вино с о. Мадейра (Мадера).

Мамка — кормилица; старшая няня.

Матица — основной брус, балка, на которую настиляется потолок.

Матрона — в Древнем Риме — замужняя, почтенная женщина, мать семейства.

Миро — благовонное масло, употребляемое в христианских обрядах,

Мордка — мелкая монета, копейка.

Мостолыга — большая кость:

Мошна — мешочек для денег, сумка, кошелек.

Мыт — пошлина на ввоз товаров, за проезд через заставу, через мост и т. д.

Мытарить — плутовать, обманывать, промышлять несправедливыми подборами.

Мытарь — сборщик податей, мыта.

Нагольный тулуп — кожей наружу, не покрытый тканью.

Налой — столик в церкви для богослужебных книг.

Напасть — беда, неприятность.

Наперсник — человек, пользующийся особым доверием; любимец.

Нарекать — называть, именовать; укорять, обвинять,

Нарочитый — значительный, именитый.

Нарочито — обильно.

Начетчик — церковный чтец.

Невегласно — скрытно.

Некошный — недобрый, нечистый, дьявольский, вражеский.

Несть — не есть, нет, отсутствует.

Неумытный — неподкупный, беспристрастный, честный, правдивый.

Обдернулся — ошибся.

Обида — несправедливое дело по отношению к кому-либо; оскорбление, бесчестье; лишение имущества, нанесение убытков; побои и т. п.

Облелеять — обласкать, изнежить.

Оболочь — облекать, облечь во что-то, укрыть, одеть.

Обретаться — находиться, быть где-то.

Овн — овца.

Овому — кому, одному.

Оглобля — круглая жердь, служащая для запряжки лошади.

Огневица — горячка; сыпь на коже.

Огневщики — пожарники; факельщики.

Одалиска — прислужница в гареме; обитательница гарема, наложница.

Одесную — по правую сторону,

Одр — постель, ложе.

Озадки — опыт прошлого, прошлое, дурные последствия, оставшееся в памяти сожаление.

Онучи, онучки — кусок плотной ткани, наворачиваемой на ноги при ношении лаптей, сапог; портянки.

Опас — охрана, опека, заступничество, покровительство.

Опрятать — привести в порядок, — обряжать; обмыть, одеть (о покойнике).

Осанна! — Помоги нам! — молитвенное восклицание при богослужении.

Отрепья — тряпье, лохмотья, рваная одежда, обноски.

Отрок — младший дружинник, использовался для выполнения разного рода поручений.

Охобень, охабень — широкий кафтан с большим откидным четырехугольным воротом, с длинными декоративными узкими рукавами и прорезами (в подмышках) для рук.

Ошую — по левую сторону.

Паволока — бумажная или шелковая восточная ткань, а также одежда из нее.

Паникадило — церковная люстра, канделябр.

Папир — бумага.

Пастырь — пастух.

Патриций, патрикий — придворный титул высшего ранга, давал право на самые высокие должности.

Паче — более, лучше.

Пеня — деньга, деньги.

Пергамент — материал для письма из телячьей кожи; документы, рукопись на таком материале.

Перепечь, перепеча — род кулича, каравай, печеные хлеба.

Перл — жемчуг.

Персть — пыль, прах, малая щепотка земля.

Перуны — стрелы, быстрые, как молнии; Перун — см. комм. к с. 196.

Пестун — воспитатель.

Печалованье — оказание милости, забота о ком-то, покровительство.

Пешцы — пешие воины, пехотинцы.

Плаун — болотное травянистое растение, мох; в сушеном виде использовался в качестве табака, "земляного ладана".

Плевелы — сорные, вредные растения на хлебном поле.

Плеща — плечи.

Плотоядный — хищный (о зверях и птицах).

Повапленный — окрашенный в белый (известью) цвет.

Повеждь — поведай, расскажи, открой кому-то на что то глаза.

Погар, погарь — гарь, погоревший лес.

Погост — новгородское укрепленное поселение; сельский приход, кладбище при церкви.

Поддатень — приданный кому-то помощник, товарищ в деле.

Подзоры — спускающаяся кружевная оборка, кайма.

Подьячий — служащий государственного учреждения (Думы, приказа), помощник дьяка (начальника приказа, отдела, канцелярии); писец, письмоводитель.

Поезжане — званые гости на свадьбе.

Поелику — поскольку, по возможности.

Позорище — зрелище, представление.

Полиелей — средняя праздничная служба в церкви, когда зажигаются свечи на паникадилах.

Полоть — половина вдоль разрубленной мясной туши.

Полсть — половина звериной шкуры,

Помози — помоги, подсоби.

Понеже — так как, потому что.

Поприще — древнерусская путевая мера, равная 1,5 версты (1,6 км); место для игр, борьбы; жизненный путь.

Портик — крытая галерея с колоннами, прилегающая к зданию.

Порфир — см. комм. к с. 34.

Порфирный — багряный, пурпурный,

Посадник — выборный городской голова.

Посконный ряд — торговый ряд с дешевыми, простыми, грубыми льняными и конопляными тканями и изделиями из них.

Посконь — конопля.

Поставец — столик с ящичками.

Постригся — совершил обряд пострижения в монахи, сопровождаемый подрезыванием волос.

Посхимился — принял схиму, высшую монашескую степень, требующую строгого соблюдения суровых аскетических правил

Потребится — понадобится, потребуется.

Починки — закладка в лесу новой пашни и деревни; новая деревня.

Презорливый — высокомерный, гордый, надменный.

Прешедший — уходящий, проходящий, прошедший.

Привечать — кланяться, принимать ласково, радушно, приветливо здороваться.

Привременный — пребывающий временно, непостоянный, изменчивый, причудливый.

Присно — всегда.

Притоманный — истинный, настоящий (друг).

Притон — пристань, бухта.

Просвира — белый круглый хлеб, употребляемый в церковных обрядах.

Простыня — простосердечный, прямой; прощение (церковное); просторы, пустошь.

Пря — спор.

Препри — переспорь, победы в споре.

Псалмы — духовные стихи и песни, созданные в подражание псалмам, составляющим одну из библейских книг — Псалтырь,

Пята — пятка; полпяты — полпятки, несколько сантиметров,

Рагозиться — ссориться.

Радуница — см. комм. к с. 312.

Размирье — нарушение мира, ссора, несогласие.

Разстани, розстани — прощание, проводы, последнее свидание перед разлукой.

Рака — первая выгонка вина; первач.

Рамена — плечи.

Ратовище — древко копья, бердыша или рогатины.

Ритор — оратор, учитель ораторского искусства.

Романея — сладкая настойка на фряжском (французском, заморском) вине.

Ряса — верхняя длинная приталенная одежда с широкими рукавами у православного священника.

Сажень косая — русская мера длины, измеряемая расстоянием от правой пятки до конца поднятой вверх левой руки, или от левой пятки — до конца поднятой вверх правой руки.

Сайдак, саадак — комплект стрелкового оружия — лук с налучником (чехлом) и колчан со стрелами.

Сарацины — одно из древнейших кочевых аравийских племен, в дальнейшем — общее название арабов.

Сатрап — наместник правителя в восточных странах; в дальнейшем — деспот, самовольный, ни с чем не считающийся правитель, самодур.

Свежина — свежее несоленое мясо,

Свещница — подсвечник.

Свитка — верхняя длинная распашная одежда из домотканого сукна.

Сделье — сделанное, приготовленное быстро, наскоро; результат небольшой, недолгой работы.

Се — это, вот.

Секира — оружие, топор на длинной рукояти.

Сенник — матрас, тюфяк, набитый сеном или соломой сенная постель; сарай для сена, сеновал.

Сенные девки — служанки в женской половине, горничные.

Синодик — список имен умерших для поминовения в церкви,

Скимен — львенок.

Скипетр — жезл с драгоценными камнями и резьбой, знак царской, императорской власти.

Скора — меха.

Скрынка — сундук, коробка, ларец; горшок, крынка, жбан с крышкой; жестяная стопка.

Сладить — договориться,

Смесной — смешанный.

Смоква — инжир, плод смоковницы; в Древней Руси — вяленая, сушеная вишня или слива (чернослив).

Снаряды — снаряжение, принадлежности,

Снедь — пища, еда.

Содом — беспорядок, хаос; от библейского г. Содома, разрушенного за сумбурную, греховную, непорядочную жизнь его жителей.

Сотью — в сотый раз.

Софисты — философы

Спекулятор, спекулятор — палач.

Ставка — палатка, шатер; ткацкий станок.

Стакался — сговорился.

Стенать — стонать, охать при душевной боли, плакать, кручиниться.

Степь — тень, пелена.

Стклянка, сткляночка — бутылочка, пузырек, небольшой стеклянный сосуд с горлышком.

Стогны — городские площади и улицы.

Столп — колонна, столб.

Столечник — скатерть.

Стратиг, стратилат — предводитель, военачальник, вождь.

Стязи, стяги — военные знамена и значки на конце древка.

Сулея — плоская бутылка, посуда с горлышком.

Схима — обет, клятва; монашеский чин, налагающий на принявшего его самые строгие аскетические правила и требования поведения.

Сыта медвяная — питье, подслащенное медом, или медовый взвар на воде.

Такать — поддакивать, соглашаться.

Тамга — клеймо, отличительный знак на чем-либо; пошлина, подать за приложение клейма.

Тарабарский — бессмысленный, бестолковый; непонятный; зашифрованный.

Тарханная грамота — грамота, освобождающая от всех податей и налогов; а порою — и от судебной ответственности.

Татаур — широкий пояс у бояр и священников; ремень, на котором подвешивался язык колокола.

Тать — вор, похититель, грабитель.

Тезоименитство — наименование именин, дня ангела у высоких особ.

Тенета — нить, сети, сетка из ниток.

Теорба — шипковый, струнный музыкальный инструмент с низким тембром; басовая

разновидность лютни.

Терлик — длинный приталенный кафтан с короткими рукавами.

Терн — колючий кустарник, род сливы.

Тимпан — музыкальный инструмент наподобие бубна

Тиун — должностное лицо в Древней Руси, управляющий, приказчик, судья.

Тма, тьма — десять тысяч.

Тма тем — сто тысяч.

Толичать — многократно называть, упоминать.

Толмач — переводчик.

Триклиний — столовая комната.

Триодь — богослужебные книги, содержащие песнопения и молитвы.

Триумфатор — победитель.

Тузлук — старинное украшение, которое носили на пояском ремне.

Тук — тучный, обильный.

Туне — втуне, напрасно, даром, зря.

Туск — тусклость, помутнение.

Тысяцкий — выборное лицо от каждой тысячи горожан или крестьян; военачальник; старший свадебный чин.

Тюника, туника — древнеримская белая шерстяная или льняная одежда в виде длинной рубашки с короткими рукавами.

Угобзонный — удобренный, обогащенный, щедро одаренный; гобза — обилие, богатство, достаток, урожай.

Уполох — тревога, набат, сполох.

Успение — кончина.

Устав — условие, договор, уговор; грамота, определяющая какие-то правила, порядок действий, обязательства.

Фарганы — варяги, норманны.

Ферезь, ферязь — верхняя мужская прямая неприталенная одежда с длинными рукавами и без ворота; женское платье с застежками снизу доверху.

Фиал — чаша.

Фиглярка, фигляр — скоморох, шут, кривляка, фокусник, ловкий обманщик (в цирке).

Фиммиам — благовонное вещество, используемое в церквах при богослужениях.

Фляга — плоский дорожный сосуд, бутылка.

Фунт — мера веса, равная 409,5 гр.

Фурия — см. комм. к с. 176.

Фут — мера длины, равная 30,48 см,

Хари — маски.

Хартия — старинная рукопись, документ, грамота.

Хитон — древнегреческая одежда в виде рубахи (до колен или ниже) с рукавами или без них, перетянутая поясом.

Хлябь — глубина, пропасть, бездна.

Хоругвь — воинское знамя, стяг, значок на древке; в церкви полотнище с изображением святого, используемое во время церковных шествий.

Хрептуг — мешочек для овса, который привязывается к оглоблям, чтобы кормить лошадей, не распрягая их.

Хронограф — летопись; запись событий по годам, хроника.

Целовальник — выборное должностное лицо в Древней Руси по финансовым или судебным делам; давал клятву на честное исполнение своих обязанностей, скрепляя ее целованием креста.

Цырен — котел, ящик; солеваренная сковорода.

Челядь — первоначально — рабы; затем — слуги, дворовые люди, вообще феодально зависимые от князя, боярина люди.

Червень — пряжа или ткань, окрашенная в красный, багряный цвет.

Червчатый — ярко-малиновый, багряный, красный.

Чернец — монах.

Чертоги — пышные, богато убранные, великолепные, украшенные помещения во дворцах, домах или сами дома, дворцы.

Четверина, четверик — русская мера объема сыпучих тел — 26,24 л.

Четки — шнурок, нитка с узлами или бусами из дерева, кости, применяемая для отсчета молитв или поклонов.

Чиниться — соблюдать требования сословного — по чину — поведения; вести себя

соответственно своему чипу.

Чли — чтили, почитали, оказывали почтение, уважали.

Шафран — южное травянистое растение, рыльца цветка которого использовались в качестве приправы, а также для окраски бульонов, теста,стряпни в желтый цвет.

Шелега, шелег — неходячая монета, бляшка для счета в играх или в память чего-либо.

Шуйца — левая рука.

Щегла — флагшток; лестница из одного бревна с вырубленными или прибитыми ступенями.

Щепетко — тщательно, аккуратно, модно, нарядно, щегольски.

Щеть — щетина.

Эпитимия, епитимия — наказание в виде продолжительного поста, длительных молитв и т. п. обрядов, налагаемое на исповедующегося священником.

Эпитрахиль, епитрахиль — часть облачения, одежды священника, длинный расшитый узорами передник, надеваемый на шею и носимый под ризой. Риза — верхняя одежда священника при богослужении; ряса — повседневная одежда.

Яко — как.

Ярыжки — нижние полицейские чины, следили за порядком на улицах, собирали налоги (земские ярыжки) и т. д.

Яспис — яшма.

Яхонт — старинное название рубина и сапфира.